Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).

№ 236 (6122). 27 августа 1934 г., понедельник. ЦЕНА 10 КОП.

С'езд советских писателей принял резолюцию по докладу о международной художественной литературе.

25 тысяч трудящихся столицы собрались вчера на встречу с писателями в Парке культуры и отдыха имени Горького.

„ВЫПОЛНИТЬ С ЧЕСТЬЮ ВАШИ ТРЕБОВАНИЯ—ГЛАВНЕЙШИЙ СМЫСЛ И ЗАДАЧА НАШЕЙ РАБОТЫ"—отвечают писатели на социалистический счет московских рабочих.

ЛУЧШИЕ ПИСАТЕЛИ МИРА С ПРОЛЕТАРИАТОМ.

Первый всесоюзный с'езд советских писателей продемонстрировал рост и расцвет литературы нашей страны. Это вполне закономерно. Литература — зеркало создающего ее общественного строя. Поэтому можно безошибочно предсказать, что советская литература одновременно с ростом социализма в нашей стране поднимется на еще бо́льшие творческие вершины и даст трудящимся блестящие и талантливые произведения.

Загнивающий буржуазный строй рождает литературу под стать себе — литературу, от которой несет тленом и разложением, литературу, которая поистине стоит на «краю ночи».

Конечно, современная буржуазная литература обладает сложившимися в веках традициями, навыками, приемами писательского мастерства. Но в ее произведениях отсутствует главное, необходимое для создания подлинно художественного произведения, отсутствует **правда. А лишенное правды художественное произведение не может играть ни культурной, ни творческой роли.**

В буржуазном обществе художественные произведения подчиняются, подобно товарам на рынке, законам спроса и предложения. В центре современной буржуазной литературы очутились детективный роман и порнографический рассказ. Крупнейшие книгоиздательства выбрасывают на рынок в миллионах экземпляров книжную отраву, посвященную подвигам шпиков и смакованию сексуальных извращений. А одно из лучших произведений великого польского поэта **Адама Мицкевича** — «Пан Тадеуш», выпущенное ничтожным тиражом в 3 тыс. экземпляров, разошлось, согласно данным анкеты польского союза писателей, лишь в течение 10 лет! Не удивительно, что в Польше писатель, как об этом свидетельствует та же анкета, зарабатывает в среднем меньше полицейского надзирателя.

Только в стране диктатуры пролетариата писательские таланты получают широкую возможность творческого роста и развития. Только в нашей стране литература имеет независимую от денежного мешка издательскую базу. И только в стране социализма литература имеет благодарную многомиллионную читательскую массу.

Публикуемая сегодня резолюция с'езда писателей по докладу о международной художественной литературе совершенно правильно констатирует, что «на примере наших писателей, прошедших славный путь со времени, когда небольшая группа писателей во главе с **Горьким** пошла за партией **Ленина**, и до настоящего периода, когда в результате победы социализма в СССР советская литература превратилась в огромную культурную силу, стала литературой всех народов, выражающей в своем творчестве великую работу трудящихся масс Советского Союза по созданию нового, социалистического строя, — лучшие представители зарубежной литературы убеждаются в том, что подлинный расцвет литературы и искусства возможен лишь в условиях победы социализма».

Величайшее внимание нашей партии и лично товарища **Сталина** к вопросам литературы, постоянная забота советского правительства о писателях — вот что лучше всего характеризует отношение победившего пролетариата к литературе и искусству.

Не то в странах капитализма, в странах фашистского изуверства, уничтожающего классические произведения литературы, докатившегося до отрицания культуры вообще. Вполне естественен поэтому тот процесс движения к нам, к стране Советов, к социализму, который происходит в разных формах, но с одинаково большой интенсивностью среди интеллигенции во всем мире. Зарубежные писатели — друзья Советского Союза, поняли, в какую мрачную пропасть капиталистический строй ведет человечество, поняли и отшатнулись от капитализма, перейдя на сторону пролетариата.

Со страстным пафосом говорил об этом на писательском с'езде крупнейший французский писатель **Жан-Ришар Блок**, анализируя две дороги интеллигенции в современном обществе. Одна дорога ведет ее к порабощению капиталом, «другая дорога нас ведет к коммунизму, т. е. к новому образу человеческого достоинства. Это та дорога, которую мы выбрали, на которую мы стараемся поставить нашу страну. И именно потому, что мы выбрали этот путь, мы пришли сюда к вам».

Вступая на этот путь, писатель становится в ряды пролетариата, штурмующего капитализм, отдает свои силы борьбе против фашизма, против империалистической войны, за защиту Советского Союза.

Вопреки фашистскому террору, во всем мире выковывается литература, являющаяся плотью от плоти освободительной борьбы угнетенного человечества. Среди творцов этой литературы — десятки талантливых революционных писателей во главе с автором романа «В огне» Анри Барбюсом и закаленным бойцом против войны **Мартином Андерсеном-Нексе**. Лучшие и честнейшие представители зарубежной литературы, приветствуемые сегодня резолюцией с'езда писателей, — **Ромен Роллан, Теодор Драйзер, Андрэ Жид, Генрих Манн, А. Мальро, Жан-Ришар Блок, Эптон Синклер, Лу Синь** — открыто, на глазах у всего мира, перешли в этот лагерь. Лучшие писатели мира — с пролетариатом, за социализм.

«Силы революционной литературы растут так же, как и силы рабочего класса, и ее боевой голос раздается все громче, поднимая угнетенные массы на борьбу против капиталистического рабства» (**из резолюции с'езда писателей**).

Пролетарский отряд революционной литературы творчески крепнет. Писатели пролетарского лагеря изведали бойкот буржуазного общества, познали нужду и нищету, но не продали своего пера разжиревшему буржуа. Не раз отворачивались от них издатели, но они не брались за порнографические темы, а несли свой талант в рабочие кварталы. Им знакомы сырость тюремных стен, ужасы концентрационных лагерей и фашистские дубинки, но в их сердцах продолжает гореть неугасимым огнем воля к борьбе, к победе.

Вглядываясь в глубь десятилетий, революционные писатели различают подлинные «контуры грядущих вещей». Их духовному взору открываются грядущие восстания трудящихся, которые сметут с лица земли эксплуатацию человека человеком, войну и фашизм. Потому-то их произведения насыщены пафосом революционной борьбы человечества за новый мир, потому и вооружены они оружием, придающим их произведениям великую силу — оружием жизненной правды.

Крепнет и растет международная революционная литература. Ибо она — литература великого класса, идущего к исторической победе.

Резолюция первого всесоюзного с'езда советских писателей,

принятая 26 августа 1934 года по пункту второму порядка дня с'езда (О международной художественной литературе — доклад тов. К. Радека).

1-й всесоюзный с'езд советских писателей, заслушав доклад тов. **Радека** о международной художественной литературе и обмен мнений по докладу, устанавливает, что, несмотря на жестокие репрессии, которые обрушиваются на рабочий класс и трудовую интеллигенцию зарубежных стран со стороны господствующего капиталистического класса, несмотря на разгул фашизма и кровавой реакции, несмотря на то, что ряд лучших представителей революционной литературы томится в фашистских застенках, подвергаясь прямому физическому истреблению, — силы революционной литературы растут так же, как и силы рабочего класса, и ее боевой голос раздается все громче, поднимая угнетенные массы на борьбу против капиталистического рабства.

С'езд советских писателей призывает своих братьев — революционных писателей всего мира — всей силой художественного слова бороться против капиталистического гнета, фашистского варварства, колониального рабства, против подготовки новых империалистических войн, за защиту СССР, отечества трудящегося человечества.

На примере наших писателей, прошедших славный путь со времени, когда небольшая группа писателей во главе с **Горьким** пошла за партией **Ленина**, и до настоящего периода, когда в результате победы социализма в СССР советская литература превратилась в огромную культурную силу, стала литературой всех народов, выражающей в своем творчестве великую работу трудящихся масс Советского Союза по созданию нового, социалистического строя, — лучшие представители зарубежной литературы убеждаются в том, что подлинный расцвет литературы и искусства возможен лишь в условиях победы социализма.

В СССР идет великий рост культуры творчества народных масс. В странах капитализма — экономический хаос, распад культуры, упадок науки, разложение литературы господствующих классов. И подлинные произведения искусства создают лишь те художники слова, которые поднимают голос протеста против язв капитализма, против вопиющих противоречий капиталистического общества.

1-й с'езд советских писателей горячо приветствует присутствующих на с'езде писателей Франции, Англии, США, Китая, Германии, Турции, Чехо-Словакии, Испании, Норвегии, Дании, Греции и Голландии, откликнувшихся на приглашение о поездке в СССР и принявших живейшее участие в работе с'езда.

С'езд глубоко ценит симпатии к СССР и социалистическому строительству, к новой культуре, создаваемой народами СССР, проявленные выступавшими на с'езде иностранными писателями — **Мартином Андерсеном-Нексе, Мальро, Жан-Ришаром Блоком, Якубом Кадри, Бределем, Пливье, Ху Лань-чи, Арагоном, Бехером, Аннабель Эллис.**

С'езд шлет свой братский привет **Ромэну Роллану, Андрэ Жиду, Анри Барбюсу, Бернарду Шоу, Теодору Драйзеру, Эптону Синклеру, Генриху Ману, Лу-Синю**, которые мужественно выполняют свой благородный долг лучших друзей трудящегося человечества.

С'езд писателей выражает свою глубокую солидарность с революционными писателями — пленниками международной реакции, защищающими дело трудящихся масс, дело прогресса человечества, и обещает всеми силами бороться за их освобождение.

С'езд твердо убежден, что международной революционной литературе принадлежит будущее, ибо она связана с борьбой рабочего класса за освобождение всего человечества.

РАДОСТНАЯ ВСТРЕЧА.

Девять дней подряд **читатель** утром и вечером наваливался на перила балконов, высовывался из-за белых колонн, сновал по фойэ Дома союзов, присматриваясь к лицам, вслушиваясь в речи, ловя обрывки разговоров, — и все это лишь затем, чтобы лучше и глубже понять **писателя**, которого он читал, который его волновал, к которому у него столько вопросов, требований, а иногда и обвинений!..

Волновался и писатель. Впервые в истории культуры он почувствовал, что отвечает не только за себя лично, но и за весь писательский коллектив.

Это стало ясно всем еще на с'езде, с предельной ясностью это поняли все на вчерашней встрече в парке имени Горького.

Самым требовательным читателем оказался... ребенок. Терпеливо ждали писателей пионеры, октябрята, дошкольники, образуя живописные группы у входа в парк. Вот показалась группа писателей.

И звонко звучат голоса, яркие колышутся ленты, требуя от проходящих писателей:

— Ждем от вас интересную книгу!

— Книгу про Ленина! Про Сталина!

— Про Красную Армию, про воздушный флот!..

— Про школу, про колхоз, про завод!..

Писатели входят в парк, но и там юные читатели требуют:

— Дайте хорошую сказку!..

Шпалерами выстроились под своими знаменами делегации столичных заводов, театров, рабочих клубов, литературных кружков. И это — на всем пути, на протяжении километра с лишним.

Но вот и Зеленый театр.

Над Зеленым театром расстелился купол вечернего августовского неба, и кажется, что созвездия, подобно плошкам, расставлены чьей-то заботливой рукой в качестве затейливого украшения. Звезды, впрочем, меркли от нестерпимого света «юпитеров» и электрических фонарей. На трибуне сидел с'езд, сидели писатели, а напротив — в зале — сидели 25.000 представителей московских предприятий — 25.000 читателей. Разделяло их трехметровое расстояние, но и это, впрочем, было только видимостью. Никакого расстояния и никакого разделения не было. Слитным было многотысячное собрание, крепко спаянным был весь человеческий коллектив, собравшийся в театре, ибо это была радостная и теплая встреча советского читателя со своими советскими писателями.

Над трибуной пламенел лозунг, который был выражением чувств всех собравшихся в зале: **«Инженерам человеческих душ — писателям нашей великой родины — пламенный большевистский привет».**

От имени с'езда первым говорил старейший его делегат, армянский поэт **Ширванзаде**. Его голова, посеребренная сединой, была молодо закинута назад. Его голос звучал сильно и бодро. Его речь была мужественна и радостна. Он говорил о том, что такого собрания, как сегодня, не припомнит за всю свою долгую жизнь. Раньше глубокий ров разделял писателя от читателя, а теперь волею революции и победившего класса писателю сопутствует во всей его работе крепкое единение со своим новым, великолепным советским читателем. Ширванзаде сказал также о том, что великое учение **Ленина и Сталина** озарило новым светом писательское творчество, что народы, угнетенные жандарской Российской империей, теперь живут бурной культурной жизнью, и тому пример — пышный рост национальных литератур.

Теодор Пливье — немецкий революционный писатель — разделил с Ширванзадэ переживаемую им радость, но вместе с тем с горестью рассказал о мучительной жизни германского рабочего класса, о концентрационных лагерях, о фашистском угнетении, о кострах, превращающих в пепел величайшие образцы человеческого творчества.

На этой встрече состоялся разговор «по душам». 12-летняя пионерка **Маркина** обратилась к писателям с речью, в которой сказала так:

— Мы просим дать нам хорошую, интересную книгу, хорошие сказки, стихи, рассказы и повести о наших героях, о природе, о путешествиях, а также хорошую научно-фантастическую книгу и побольше смешных, юмористических рассказов. Мы хотим, чтобы книги для детей были не маленькие-тонкие, а толстые, с хорошими рисунками и обложкой.

Корней Чуковский, Маршак и Барто выступили перед собранием — они читали свои произведения, и радостные, взволнованные ребята поднесли им охапки цветов.

Украинский писатель **Микитенко** представлял собранию выступавших писателей. В середине программы он сказал:

— Сейчас перед нами выступит молодой, начинающий поэт и писатель... Алексей Николаевич Толстой.

Публика весело и радостно встретила маститого прозаика, и бесконечный зал долго грохотал смехом и аплодисментами.

Выступали с речами и чтением произведений **Демьян Бедный, Вера Инбер**, другие поэты и прозаики. Встречи, дружественные и радостные, произошли не только в Зеленом театре, но и во всех других театрах парка культуры и отдыха. Всюду тысячные толпы народа приветствовали своих мастеров слова, и мастера слова приветствовали своих читателей...

Парк культуры и отдыха переливался праздничными огнями, и гирлянды огней колебались в темных водах Москва-реки. Над Нескучным дворцом вспыхивали фейерверки, и огненный лозунг — шедевр пиротехники! — трепетал на темном фоне неба: **«Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела».**

Пролетарская Москва пришла на праздник советской литературы, удивляя иностранных гостей бесчисленностью своих делегаций и горячей любовью к книгам, к художникам, к стихам, к творчеству.

Праздник в парке культуры и отдыха оказался подлинно радостной встречей, воспоминания о которой будут долго жить в сердцах и писателей и читателей.

Пролетариям Москвы!

Обращение всесоюзного с'езда советских писателей, принятое в Центральном парке КиО 26 августа.

Дорогие товарищи!

Первый всесоюзный с'езд советских писателей под председательством **А. М. Горького** горячо и братски приветствует пролетариев Красной столицы нашей социалистической родины. На с'езде мы особенно сильно ощущаем вашу любовь, внимание и товарищескую поддержку. Мы увидели, как строится новая, социалистическая Москва. У нас побывали люди новой Москвы — метростроевцы, текстильщики, железнодорожники, бумажники и представители нашей славной Красной Армии. И все они справедливо требовали от нас ярких и правдивых произведений, которые помогли бы им еще глубже познавать жизнь, еще лучше работать и еще пламеннее бороться за бесклассовое общество.

Выполнить с честью эти требования — главнейший смысл и задача нашей работы. Мы восторженно встретили заявление ткачихи Трехгорной мануфактуры тов. **Гурош**: «Товарищи, мы друг без друга не обойдемся». Мы, писатели, как один из отрядов советской культуры, действительно не можем обойтись без связи с вами, с вашей жизнью и борьбой, так как только отсюда мы черпаем темы и характеры героев наших произведений. Только отсюда берем образы великой эпохи. Мы счастливы, что работаем для читателя-друга, для героев нашей родины.

Мы хотим отметить ту огромную роль, которую в деле воспитания рабочих читательских масс сыграли большевистская организация столицы и руководитель московских большевиков **Л. М. Каганович**.

Да здравствуют ненарушимая связь и дружба пролетариев Москвы и советских писателей!

Да здравствуют мужественные большевики Москвы и их боевой руководитель — **тов. Каганович!**

Да здравствует наша великая партия и ее вождь, друг и учитель советской литературы — **товарищ Сталин!**

ВЧЕРА НА С'ЕЗДЕ.

На утреннем заседании с'езда закончились прения по докладу тов. **Радека**. Выступили товарищи: **Лайцен, Герцфельде, Бехер, Пливье и Эми Сяо.** С'езд приветствовали делегации рабочих Тулы и ленинградского завода — втуза имени Сталина.

В конце утреннего заседания с'езд заслушал заключительное слово тов. Радека и принял резолюцию по его докладу.

Делегаты с'езда по пути на митинг в Центральном парке культуры и отдыха имени М. Горького.

Отклики на ноту тов. Юренева.

ТАКТИКА ПРОВОКАЦИЙ.

НЬЮ-ЙОРК, 25 августа. (ТАСС). В статье, посвященной положению на Дальнем Востоке, **«Вашингтон пост»** отмечает, что «СССР пошел на значительно большие уступки, чем Япония».

Далее газета пишет: «Трудно не поддаться подозрению, что Япония склоняется к насильственному захвату дороги. США часто обнаруживали интерес к мирному разрешению конфликтов, касающихся КВЖД».

Японскому правительству следует понять, что тактика провокаций не может обеспечить длительное урегулирование положения».

МИРОЛЮБИЕ СССР.

НЬЮ-ЙОРК, 25 августа. (ТАСС). **«Форейн полиси ассосиэйшен»** («Ассоциация внешней политики») посвящает очередной выпуск своих бюллетеней советско-японским отношениям. В бюллетене отмечается, что «проявленное Советским Союзом терпение перед лицом провокаций и значительное снижение цены за дорогу свидетельствуют о миролюбии советского правительства».

Либеральный еженедельник **«Нью рипаблик»**, говоря об инцидентах на КВЖД, высказывает мнение, что Япония своими действиями пытается оказать давление на ход переговоров.

ГНЕТ ОККУПАНТОВ В МАНЧЖУРИИ.

АФИНЫ, 25 августа. (ТАСС). Греческая газета **«Пройя»** в передовой, посвященной положению на Дальнем Востоке, пишет:

«Осуществив военный захват Манчжурии, Япония создала так наз. государство Манчжоу-Го, существующее только благодаря оккупации этой территории японской армией. Возмущенное население отвечает на японские притеснения и на японское иго восстаниями и широким партизанским движением, что не дает возможности Японии утвердить свое господство».

ЯПОНИЯ СОЗНАТЕЛЬНО ОБОСТРЯЕТ ПОЛОЖЕНИЕ.

ПРАГА, 25 августа. (ТАСС). Помещая полный текст последней советской ноты Японии, газеты комментируют японскую политику как сознательное стремление Японии обострить конфликты на Дальнем Востоке.

«Лидове новины», анализируя создавшееся в последнее время положение на Дальнем Востоке, констатирует, что Советский Союз не унаследовал ничего от империалистической политики царской России в отношении Китая. Газета подчеркивает, что Япония переживает большие финансовые и экономические затруднения, и именно поэтому японские фашистские военные круги стремятся к **войне** в поисках выхода из этих затруднений.

Газета надеется, что заключение восточного пакта окажет благоприятное влияние также и на ситуацию на Дальнем Востоке, и требует немедленного выяснения позиции **Германии и Польши** в отношении восточного Локарно.

СВЯЗЬ МЕЖДУ ТОКИО И БЕРЛИНОМ.

БРЮССЕЛЬ, 26 августа. (**Соб. инф. «Правды»**). Комментируя агрессивную политику Японии на Дальнем Востоке, бельгийская **«Пепль»** пишет:

«Оккупация Манчжурии создала на Дальнем Востоке неустойчивое положение. Никто им не доволен. Все ищут из него выхода. Нельзя не связать возобновление японской угрозы с **трудностями, созданными Германией и Польшей заключению восточного гарантийного пакта**».

Напоминая о захватнических планах Германии в Восточной Европе, газета заключает: **«Соглашение между национал-социалистской Германией и Японией является фактом»**.

В ФАРВАТЕРЕ „ТРЕТЬЕЙ ИМПЕРИИ“.

Печать Парижа о рискованном курсе польской внешней политики.

(По телеграфу от парижского корреспондента «Правды»).

ПАРИЖ, 26 августа. Разоблачение французской печатью **тайного польско-германского договора**, предусматривающего снабжение Германии Польшей продовольствием **в случае войны**, и двусмысленное «опровержение» Варшавы продолжают волновать политические круги Франции.

Официозная «Тан» посвящает вторично статью проблеме **польско-французских** отношений. Отмечая враждебность Польши **по отношению к Франции** и ее усиливающееся сближение с Германией, «Тан» спрашивает: «Что означают эти проявления настроений, резкость которых бросается в глаза всякому беспристрастному наблюдателю? Нужно ли в них усматривать новую тенденцию в политике, значительно отличающуюся от той, которая до сих пор проводилась в Варшаве?»

Ормессон не жалеет в газете **«Фигаро»** язвительных замечаний по адресу польской политики. Он заявляет, что поляки весьма «обидчивы» и что они не обладают «достаточно тонким ухом», чтобы понять смысл французской политики в отношении Италии (по поводу жалоб Польши на то, что Польша не была привлечена к подписанию «пакта 4-х»).

Обострение польско-французских отношений Ормессон об'ясняет «отвратительными польскими маневрами». «Приходится удивляться,— продолжает он,— быстрому повороту, произведенному Польшей в отношении Германии. Польша имеет полное право защищать свои интересы. И все же получается впечатление, что здесь имеются еще какие-то задние мысли, не носящие дружеского характера по отношению к нам».

Передовая в **«Журналь де деба»** высказывается еще резче о позиции Польши. Резюмируя содержание польского опровержения, газета пишет: «Обязательство, о котором шла речь в сообщениях «Эко де Пари», было бы во всех отношениях столь чудовищным, что можно было ожидать более резких протестов».

«Теперешние правители Польши, — пишет газета, — относятся с величайшим доверием к Германии. Доверяя словесному отказу Гитлера от притязаний на Данциг, Польша не выступает против «аншлюса», поддерживая, таким образом, воинственное настроение в Германии. Это не дальновидная политика... В Варшаве предаются странным и опасным иллюзиям, воображая, будто великая Германия, добившаяся успеха в Центральной Европе, не пыталась бы расшириться в сторону Польского коридора, Данцига, Познани и Верхней Силезии. Успех пангерманизма является для Польши гораздо большей угрозой, чем для других стран. И приходится поэтому удивляться тому, что она пассивно или активно облегчает успехи пангерманизма».

Проводя подобную политику, Польша, по мнению **«Журналь де деба»**, — «портит себе будущее».

Доминик в **«Репюблик»** заявляет, что **в Берлине и Токио намечается определенная стратегия. Германия мечтает о господстве в Европе, Япония — о господстве над Азией.**

Доминик дает понять, что и Германия и Япония хотят использовать Польшу в качестве решающего фактора при проведении в жизнь этой стратегии.

Реми.

Письменный доклад О. Ю. Шмидта международному географическому конгрессу.

ВАРШАВА, 26 августа. (ТАСС). Польское телеграфное агентство сообщает: «На пленарном заседании **международного географического конгресса** проф. **Шокальский** огласил доклад профессора **Шмидта** о новых **исследованиях Арктики.** Многолюдная аудитория заслушала доклад с большим интересом».

Советский павильон на выставке в Измире.

ИЗМИР, 24 августа. (Спец. корр. ТАСС). Работа по оформлению советского павильона на международной выставке в **Измире** (Турция) закончена 23 августа. Официальное открытие состоится 26 августа.

Внешнее и внутреннее оформление **советского павильона** и огромное количество выставленных экспонатов **привлекают всеобщее внимание.** Огромное впечатление производят советские машины, автогрузовики, тракторы, станки, сельскохозяйственные орудия и огромное количество представленных экспонатов Союзпушнины.

10 тыс. рабочих Парижа на митинге единства

ПАРИЖ, 25 августа. (ТАСС). Митинг единства действий, организованный совместно социалистической и коммунистической партиями, превратился в мощную демонстрацию парижского пролетариата. На митинге присутствовало **10.000** человек.

В почетный президиум под бурные аплодисменты были избраны **Тельман**, другие узники фашизма и Паула Валлиш.

Генеральный секретарь социалистической партии **Поль Фор** выступил с речью за единство действий. Секретарь социалистической федерации департамента Сены **Фарине** призывал к защите СССР, страны строящегося социализма. **Жиромский** в своем выступлении отметил, что Советский Союз создает новую цивилизацию.

Коммунистический депутат **Раметт** подробно остановился на неуклонной мирной политике Советского Союза и указал, что лозунг «Советы повсюду» становится боевым лозунгом международного рабочего класса.

Член ЦК французской компартии **Дюкло** разоблачил буржуазные измышления и клеветнические выдумки, направленные против СССР, и подчеркнул неустанную борьбу СССР за мир.

На митинге была единогласно принята резолюция, в которой подчеркивается воля трудящихся защитить единым фронтом СССР — отечество трудящихся всего мира.

1. Заявление японского министерства иностранных дел о ходе переговоров о КВЖД.

ТОКИО, 21 августа. (ТАСС). Сегодня вечером опубликовано пространное заявление министерства иностранных дел о «ходе переговоров о КВЖД, происходивших в Токио при посредничестве Хирота». Заявление указывает, что «японское правительство все еще надеется на подходящее и удовлетворительное урегулирование вопроса о КВЖД». Заявление гласит:

«В начале переговоров между СССР и Манчжоу-Го о передаче КВЖД, начавшихся 26 июня, при посредничестве японского правительства, советский представитель предложил 250 миллионов золотых рублей (или около 625 млн иен по так называемому официальному курсу советского правительства) в качестве цены КВЖД, настаивая кроме того на уплате Манчжоу-Го всей суммы выходных пособий советским служащим дороги. Манчжурский представитель представил контрпредложение, заключающееся в том, что цена должна быть определена в 50 млн иен, учитывая действительный ход железнодорожного строительства в Манчжоу-Го, а также факт, что КВЖД находится под совместным управлением СССР и Манчжоу-Го. Позже советская делегация предложила снизить первоначальную цифру на 50 миллионов золотых рублей.

Переговоры, которые тормозились нескончаемыми абстрактными аргументами, затянулись до октября, когда приостановились в связи с советской пропагандой, обвинявшей Японию и Манчжоу-Го в заговоре с целью захватить КВЖД силой. Однако в феврале 1934 года переговоры возобновились. Советский представитель представил Хирота новую цифру в 200 млн иен бумажной валюты в качестве цены КВЖД и в ответ на японский вопрос заявил, что СССР будет также просить дополнительную сумму, около 30 млн иен, выходного пособия советским служащим КВЖД. Хирота также был вручен баланс актива и пассива дороги на первое января.

В соответствии с этим на промежуточной конференции от 26 апреля манчжурский представитель, желая дружелюбного завершения переговоров, предложил повысить покупную цену с 50 млн иен до 100 млн иен, при условии, что Манчжоу-Го получает весь актив дороги и принимает ответственность за пассив, показанный в вышеупомянутом балансе, а СССР должен уплатить выходное пособие советским служащим, поскольку нормально, чтобы СССР, как продавец, уплатил выходное пособие. Однако советский представитель ответил лишь 25 мая указанием, что СССР согласен уменьшить цену на 10 млн иен. Переговоры вновь оказались под угрозой тупика.

В этом положении Хирота представил советскому послу пробный план завершения переговоров на базе установления цены КВЖД в 100 млн иен с уплатой выходных пособий Манчжоу-Го. В ответ на этот план советский представитель вновь предложил снизить цену на КВЖД на 20 млн иен—до 170 млн иен, что оставило все еще глубокое расхождение между цифрами СССР и Манчжоу-Го, сделав безнадежным доведение переговоров до успешного завершения.

23 июля Хирота обратился к советскому послу с предложением, которое преследовало цель дружеского разрешения проблемы с широкой точки зрения дружественных отношений между СССР, Японией и Манчжоу-Го и которое Хирота, как посредник, считал справедливым и правильным. Хирота предлагал установить цену на КВЖД в 120 млн иен, и Манчжоу-Го приняло на себя обязательство по уплате выходных пособий советским служащим. Одновременно Хирота сообщил советскому послу взгляды манчжурского правительства на прочие принципиальные вопросы, связанные с передачей КВЖД.

30 июля советское правительство, отклонив вышеуказанный посреднический план Хирота, вручило контрплан, в котором цена была снижена лишь на новые 10 млн иен—до 160 млн иен (с возложением на Манчжоу-Го уплаты выходных пособий советским служащим). Далее контрплан содержал новые условия передачи КВЖД, включая так наз. «золотую клаузулу», относящуюся к платежам деньгами, а также предложение в связи с платежами товарами, гласящее, что стоимость товаров должна быть определена при завершении переговоров о передаче. Хирота пытался убедить советское правительство пересмотреть его план. Однако план вновь был отклонен СССР 10 августа, в связи с чем Хирота посоветовал, чтобы СССР и Манчжоу-Го попытались разрешить вопрос путем непосредственных переговоров.

13 августа манчжурский делегат Охаси посетил советского посла. Как сообщают, он указал послу, что манчжурское правительство, учитывая искренность, проявленную Хирота при его усилиях добиться дружественного решения вопроса, готово принять посреднический план, и заявил, что советское правительство поступило бы хорошо, приняв этот самый план. Посол, однако, указал, что если от Манчжоу-Го не последует предложение о более высокой цене, то СССР не намерен вступить в непосредственные переговоры. Охаси настоятельно просил о дальнейшем тщательном размышлении советской стороны и уведомил посла, что в данной обстановке его пребывание в Токио бесполезно и поэтому он выезжает, хотя его от'езд никоим образом не должен считаться признаком манчжурского намерения сорвать переговоры. В соответствии с этим Охаси уехал, однако главный делегат Тин Шиюань все еще находится в Токио.

Как явствует из вышеприведенного обзора переговоров, японское правительство было все время, как посредник, искренним и не оставляло ничего в ревностных стараниях добиться успешного разрешения вопроса. Несмотря на это явное желание японского правительства, советское правительство недавно пришло к заключению считать предложение Хирота как нечто вроде ультиматума, и более того, распространяет пропаганду, утверждающую наличие некоей связи между арестами, произведенными в связи с ущербом, часто причиняемым поездам на восточной линии КВЖД, и переговорами о передаче дороги.

То, что японское министерство иностранных дел является только посредником и как таковой не в состоянии вручать ультиматум, было им особо раз'яснено советскому делегату. В соответствии с этим после советского отклонения вышеупомянутого плана Хирота не пошел дальше и рекомендовал непосредственные переговоры между СССР и Манчжоу-Го. С другой стороны, ясно, что аресты произведены в связи с повреждениями, причиненными поездам, являются просто судебными делами, относящимися к заговорам пускать под откос военные поезда, что часто имело место с ранней весны 1934 года, а также не имеют никакого отношения к переговорам о передаче КВЖД. Кроме того, хотя советская сторона утверждает, что она пошла на большие уступки, цены, предложенные СССР в первых стадиях переговоров, а именно 250 млн золотых рублей (625 млн иен), 200 млн руб. (500 млн иен), по сравнению с цифрами, назначенными позже—с февраля 1934 г., окажутся не чем иным, как признанием, что первоначальные цены были основаны на грубом преувеличении.

С самого начала переговоров имелись различные замечания о подлинных намерениях советского правительства, в связи с советским предложением о передаче КВЖД. Говорилось, например, что хотя СССР высказывает желание вести переговоры мирно, это представляет лишь симуляцию и на самом деле СССР пытается затянуть переговоры в надежде увидеть Японию вовлеченной в международный «кризис», который, по предположению СССР, является неизбежным. Поэтому, если даже состоится соглашение о цене КВЖД, то переговоры могли бы быть затянуты бесконечно, по крайней мере до наступающей зимы, если бы СССР решил затянуть дискуссию по другим пунктам условий передачи дороги.

Говорилось, что если на самом деле таковы подлинные намерения СССР, то все труды японского правительства в деле посредничества, независимо от того, насколько они искренни и неутомимы, должны неизбежно оказаться бесплодными, и положение тогда было бы действительно весьма тяжелым.

Несмотря на существование подобного рода замечаний, японское правительство полагалось на добросовестность советского правительства в предложении способствовать миру на Дальнем Востоке, и японскому правительству удалось по крайней мере способствовать [illegible] переговоров [illegible] вышеупомянутого [illegible] посредничества [illegible]ностных стараний приблизить друг к другу взгляды заинтересованных партнеров в беспокойной обстановке. Закончатся ли нынешние переговоры печально, как предсказано некоторыми наблюдателями, видно будет только в результате дальнейшего хода событий.

Японское правительство все еще питает надежду на подходящее удовлетворительное урегулирование данного дела, а манчжурское правительство проявило готовность принять на себя огромное обязательство по отношению к СССР в общей сумме 150 млн иен, демонстрируя этим действием манчжурскую волю добиться фундаментального решения вопроса о КВЖД посредством мирных переговоров. Существенная цель данных переговоров заключается в устранении причин возможных трений с передачей дороги и способствовать мирному развитию отношений между СССР, Японией и Манчжоу-Го. Переговоры, однако, никогда не завершатся успехом, если будут откладываться и отсрочиваться под предлогом споров, возникающих время от времени на месте. Если советское правительство действительно желает передать железную дорогу и желает передать ее максимально скоро, то оно несомненно должно дать надлежащее доказательство такого намерения.

2. Заявление манчжурского министерства иностранных дел по поводу переговоров о КВЖД.

ТОКИО, 23 августа. (ТАСС). Агентство Симбун ренго сообщает из Чанчуня, что манчжурское министерство иностранных дел опубликовало 22 августа следующее официальное заявление по поводу переговоров о КВЖД:

«В нарушение соглашения, достигнутого между делегатами СССР, Японии и Манчжоу-Го, советское правительство 18 августа опубликовало через ТАСС обзор хода переговоров. По сообщению ТАСС получается, что только советское правительство сделало огромные уступки. Мы не видим, чтобы советское правительство проявляло искренность тем, что в течение переговоров весьма резко снизило запрошенную цену с 625 млн. иен до 200 млн. иен, ибо запрошенные вначале 625 млн. иен, или 250 млн. золотых рублей, являлись просто нелепой цифрой. Переговоры могли вступить в практическую фазу лишь тогда, когда советское правительство предложило 200 млн. иен, в то время как Манчжоу-Го предлагало 50 млн. иен.

Манчжурская цифра является разумной, если учесть такие факты, что дорога будет возвращена Манчжоу-Го через 30 лет безвозмездно, что она нуждается в большом ремонте, а также то, что необходимо провести новое строительство на протяжении 1.700 клм. Вдобавок сама дорога является совместным имуществом СССР и Манчжоу-Го. При этом необходимо отметить также, что советское правительство неоднократно об'являло о своем полном отказе от дороги, которая, по указанию советского правительства, приобретена во время существования царского империалистического режима. Манчжурское правительство вначале даже отказывалось от переговоров по поводу передачи КВЖД. Однако ради поддержания мира на Дальнем Востоке, а также в виду добрых услуг, предложенных японским министром иностранных дел Хирота, Манчжоу-Го выразило готовность принять так называемое компромиссное предложение Хирота, которое в общем итоге, включая выходные пособия советским служащим КВЖД в размере 30 млн. иен и 20 млн. иен манчжурским служащим, составляло 170 млн. иен. Поэтому на деле Манчжоу-Го предложило 170 млн. иен против 200 млн. иен, первоначально запрошенных советским правительством.

Что касается мероприятий манчжурского правительства, приведших к аресту некоторых советских служащих КВЖД, то истина заключается в том, что арестованные участвовали в недавнем заговоре, добивавшимся крушения военных поездов в сотрудничестве с бандитами. Подобные меры являются не чем иным, как самозащитой, и не имеют никакого отношения к переговорам о передаче КВЖД. Напротив, к поведению СССР, выражающемуся в несправедливом увязывании недавних арестов советских служащих КВЖД с переговорами о передаче дороги, надо отнестись с подозрением, имея в виду намерения, которые оно преследует».

СООБЩЕНИЕ ТАСС.

В связи с опубликованием заявления японского министерства иностранных дел от 21 августа и заявления манчжурского правительства от 22 августа по поводу переговоров о КВЖД, ТАСС уполномочен сообщить следующее:

Опубликованные заявления японо-манчжурской стороны повторяют в точности цифры, названные ТАСС в сообщении от 18 августа.

Эти цифры и факты, однако, освещаются обоими заявлениями весьма суб'ективно и односторонне в попытке доказать, что уступчивость в переговорах была проявлена японо-манчжурской стороной. В качестве примера можно указать на содержащуюся в заявлении манчжурского правительства попытку убедить общественное мнение, что японо-манчжурская сторона предложила за КВЖД не 120, а 170 миллионов иен. Эта последняя цифра получается путем включения в нее 50 миллионов иен выходных пособий, которые должны быть выплачены советским и манчжурским служащим дороги в случае их увольнения. Между тем совершенно ясно, что увольнение или неувольнение служащих дороги после ее покупки является делом нового собственника дороги — японо-манчжурской стороны, которая должна, естественно, нести и связанные с увольнением расходы на выходные пособия. При этом понятно, что подобные расходы никоим образом не могут входить в состав цены на КВЖД.

Надуманность и искусственность всех аргументов обоих заявлений, имеющих целью оправдать изложение одностороннего мнения японо-манчжурской стороны, освобождает ТАСС от необходимости с ними полемизировать.

По столбцам [illegible]

Противогазы и доходы.

Английская «Манчестер гардиан» публикует заметку о воздушных маневрах в Японии под заголовком: «Противогазы в интересах процветания». Газета пишет:

«Мы уже опубликовали некоторые детали о добросовестности, с которой Япония проводит свои «инсценировки» воздушных налетов. Последние принимают такие размеры, что прибрежные маяки покрываются черным сукном, а городские улицы маскируются веревками и рыболовными сетями.

Все это дело имеет и другую сторону, о которой [illegible] последние полученные номера изданий японских газет. Один газетный заголовок с удовлетворением сообщает: «Осака и окрестности [illegible] под'ем, вызванному воздушным налетом». Рассказывают, что муниципалитеты, организации «воздушной обороны» и т. п. истратят только в одном районе 10 млн иен, или 500 тысяч фунтов стерлингов по курсу дня. «Торговцы торжествуют», — добавляет газета. Мы этим не удивлены. Действительно, очень странным торговцем был бы тот, кто глядел бы с тоской на получение своей доли из 500 тыс. фунтов.

Всеобщий восторг от «воздушного налета» был предсказан заранее. Магазины хорошо торговали «воздухооборонными игрушками» и специальными колпаками для электрических лампочек. Но больше всех, вероятно, была довольна химическая фирма Итабаси в Токио, которая фактически монополизировала производство противогазов.

Во время «налетов» должны были применяться слезоточивые бомбы, заменявшие бомбы с ядовитыми газами. Официальные инструкции указывали: «Слезоточивая бомба вызывает слезы на глазах, но является безопасной».

Понятно, что если кто-либо желал избежать слезотечения, рецепт был готов: надо было покупать противогазы, принося тем самым пользу не только стране, но и мистеру Итабаси. Всегда очень приятно, когда патриотическое действие одновременно приносит доход».

5 ЗАПОВЕДЕЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОРАЛИ.

Газета **«Ханькоу геральд»** (издается в Ханькоу) приводит любопытное сообщение о недавно принятых в **Кантоне** (Южный Китай) новых законах.

«Один закон, — пишет газета, — не мог не вызвать всеобщего удивления. Он гласит:

«Запрещается совместная езда мужчин и женщин.

Запрещается совместная еда мужчин и женщин как в публичных учреждениях, так и в своих домах. Женщины должны есть после окончания трапезы мужчин.

Запрещается совместное жительство мужчин и женщин в одной комнате. Во всех гостиницах и отелях запрещается останавливаться в одном номере мужчинам и женщинам.

Запрещается совместное хождение или совместные поездки военнослужащих с частными гражданами.

Во всех театрах и кино запрещается сидеть рядом мужчинам и женщинам».

ПОСЛЕ ЖАРЫ И ЗАСУХИ — МОРОЗЫ.

НЬЮ-ЙОРК, 25 августа. (ТАСС). В засушливых районах средне-западных штатов, где в течение трех недель стояла невыносимая жара, сейчас начались сильные холода. В некоторых районах **наступили морозы и выпал снег.**

ТОКИО, 25 августа. (ТАСС). Агентство **«Симбун ренго»** сообщает, что в тропическом районе **Ниитака** в центре **Формозы** 24 августа ударил **небывалый в этом районе мороз.**

Пожар в Бухаресте.

ВЕНА, 26 августа. (ТАСС). По сообщению из **Бухареста**, на нефтеочистительном заводе общества **«Романо-Американа»** вспыхнул огромный пожар. **Все оборудование завода погибло в огне.** Убытки выражаются **в нескольких миллионах лей.**

Гибель румынского военного самолета.

ВЕНА, 25 августа. (ТАСС). Как сообщают из **Бухареста**, близ **Клужа** упал и разбился румынский военный самолет. Летчик тяжело ранен.

Авария военного самолета в Югославии.

ВЕНА, 25 августа. (ТАСС). Близ **Белграда** упал и разбился югославский военный самолет. Летчик убит, наблюдатель тяжело ранен.

Иностранная хроника.

❃ Австрийский канцлер **Шушниг** возвратился в **Вену.**

❃ Австрийское правительство обратилось к великим державам с просьбой о предоставлении **нового займа в 200 млн** шиллингов для покрытия бюджетного дефицита и содержания **усиленных кадров австрийской армии.**

❃ Правительства **США и Кубы** подписали торговый договор, который значительно усиливает позиции США на кубинском рынке **в ущерб Англии и Японии.**

❃ В **Рио-де-Жанейро** (Бразилия) полиция напала на демонстрацию против войны и фашизма. При столкновении **двое убито и 23 ранено.**

❃ В **Хихоне (Испания)** заключено **соглашение о едином фронте** компартии, социалистической партии, комсомола, юношеской организации социалистической партии и «всеобщего рабочего союза».

❃ В **Мадриде** состоялась крупная **демонстрация** испанских **трудящихся женщин** под лозунгом борьбы против фашизма и войны.

❃ В провинции **Саскачеван** (Канада) засухой совершенно **разорено 44 тыс. крестьянских семейств.**

❃ В районе слияния рек **Сон и Ганга** (Индия) произошло **сильное наводнение.** Затоплено **50** деревень. Железнодорожное полотно на протяжении **14 миль находится под водой.**

❃ **9 сентября 1934 г.** в **Салониках** (Греция) открывается **международная торговая, промышленная и с.-х. ярмарка.**

Национал-социалисты готовят новый путч в Австрии.

ВЕНА, 26 августа. (ТАСС). **«Штурм юбер Остеррейх»** (орган руководимых Шушнигом военизированных отрядов **«Остмеркише штурмшарен»**) сообщает, что из **Мюнхена** посланы в Австрию группы национал-социалистских руководителей. **«Линцер фольксблатт»** сообщает, что в **Линце** найдены планы, свидетельствующие о подготовке национал-социалистского путча **к** концу августа.

В виду сведений о том, что национал-социалисты готовят покушения на **Штаремберга и других членов австрийского правительства**, руководитель хеймвера **фон-Бэар** распорядился наметить в каждом районе 10 видных национал-социалистов в качестве заложников на случай покушений.

Власти принимают меры против национал-социалистов и близких им организаций. Вслед за арестом первого руководителя **«Ландбунда» Бахингера** арестован второй руководитель **«Ландбунда»** депутат **Девати.**

Намечался арест бывшего вице-канцлера **Винклера** (член «Ландбунда»), но ему удалось бежать в Чехо-Словакию. По сообщению «Рейхспост», вчера покончил самоубийством генеральный секретарь **«Ландбунда» Подшербац**, узнавший, что предстоит его арест.

В **Тироле** арестованы переодевшиеся нищими национал-социалистские агитаторы, приехавшие из Германии.

ВЫСЫЛКА АМЕРИКАНСКОЙ ЖУРНАЛИСТКИ ИЗ ГЕРМАНИИ.

БЕРЛИН, 25 августа. (ТАСС). **Известная американская журналистка Льюис (жена писателя Синклера Льюиса)**, прибывшая несколько дней назад в Берлин для ознакомления с положением современной Германии, получила сегодня от полиции предписание немедленно покинуть пределы Германии.

Высылка американской журналистки мотивируется «враждебными установками по отношению к новой Германии».

Воздушные маневры в Осаке (Япония). Зенитный пулемет на крыше здания.
Снимок помещен во французской газете «Попюлер».

ПОД ФЛАГОМ МАНЧЖОУ-ГО.

БЕЙПИН, 26 августа. (Соб. инф. «Правды»). По сообщениям печати, морской генеральный штаб Японии уже закончил разработку плана создания «морского флота государства Манчжоу-Го». Газета **«Дайрен симбун»** указывает, что **«создание флота фактически уже началось».**

Местная иностранная и китайская печать сообщает, что японский морской генштаб передает все суда устаревшего типа, а также корабли, требующие капитального ремонта, в распоряжение Манчжоу-Го. Кроме того, на японских верфях строятся для Манчжоу-Го несколько новых кораблей. Печать указывает, что базы морского флота Манчжоу-Го создаются в **Инкоу** (Ляодунский залив) и **Дагушаню** (Корейский залив).

«Морской флот Манчжоу-Го», над созданием которого интенсивно работает японский генштаб, дает возможность Японии «легально» увеличить свои морские силы до любых, необходимых ей размеров.

Дайренская газета «Мансю ниппо» поместила интервью с командующим японскими морскими силами в Манчжурии адмиралом Кобаяси.

«Создать флот для Манчжоу-Го? — спрашивает Кобаяси.—Это вполне естественно, его надо создать. Где же это видано, чтобы государство было без флота? Отказ от вашингтонского договора нужно осуществить во что бы то ни стало до начала морской конференции».

Поездка английских промышленников в Японию.

ЛОНДОН, 26 августа. (ТАСС). Лорд Барнби выехал вчера в Японию через Нью-Йорк. Остальные представители делегации федерации британских промышленников, направляющейся в Манчжоу-Го и Японию, выезжают позднее и присоединятся к Барнби в **Сан-Франциско.**

Город Тавриз под водой.

ТЕГЕРАН, 26 августа. (Соб. инф. **«Правды»**). По сообщению правительственной газеты **«Иран»**, в результате сильного ливня в горах, окружающих Тавриз (крупный провинциальный центр Персии), потоки воды хлынули с гор. Смыв на своем пути несколько селений, они прорвали предохранительную плотину и затопили Тавриз.

Наводнение сопровождалось многочисленными человеческими жертвами, точное количество которых пока не установлено. **Выловлены десятки трупов**, всплывших на поверхность воды.

Разрушено и повреждено до 1.000 домов, в том числе много правительственных зданий. Больше всего пострадали северные кварталы, в которых ютится беднейшее население.

Убытки исчисляются десятками миллионов персидских реалов. Тысячи жителей остались без крова и средств к существованию.

В результате сильных ливней произошли также наводнения в **Асад-Абаде** и в районе **Решта**; здесь также имеются человеческие жертвы. В **Мазендаранской** провинции размыты дороги; движение по ним прервано.

ГЕРМАНО-КИТАЙСКИЙ ЖЕЛ.-ДОР. КОНСОРЦИУМ.

БЕРЛИН, 25 августа. (ТАСС). По сообщению «германского информационного бюро», создался германо-китайский консорциум, заключивший с нанкинским правительством договор о завершении постройки железнодорожной линии **Юйшань—Пинсян** (провинция Цзянси).

В консорциум с германской стороны входит известная германская фирма **Отто Вольф**, а с китайской стороны — группа банков во главе с **«Банк оф чайна»**. Все железнодорожное оборудование — рельсы, стрелки, сигнальные установки и т. д.— и весь подвижной состав этой дороги будут доставлены из Германии. По договору первые 300 километров этой дороги должны быть сданы в эксплуатацию до 1936 года.

СОВРЕМЕННАЯ МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРСКОГО ИСКУССТВА.

Доклад тов. Карла Радека на всесоюзном с'езде писателей).*

— Товарищи, **Алексей Максимович** в своем докладе широкими мазками набросал картину развития литературы от момента, когда нерасколотое еще на классы человечество в песнях и сказках отражало свою борьбу за жизнь, до момента начала распада буржуазной литературы. История литературы классового общества—это история отрыва литературы от жизни народных масс.

На мою долю выпала характеристика последнего периода этой литературы, периода, когда все паразитические, все упадочные тенденции буржуазной литературы выступили наиболее ярко.

Само собой понятно, что так же, как загнивание капитализма не является сплошным процессом, поскольку и в период загнивания капитализма мы имеем явление временного прогресса на известных участках, в известных областях,—точно также литература загнивающего капитализма в состоянии еще в известных областях, у известных наций, на известных участках дать произведения большого искусства.

Задача состоит в том, чтобы увидеть и показать общую линию этого развития.

Современная литература это есть литература, которая начинается с **мировой войны.**

Три крупнейших исторических события последних 20 лет являются тем критерием, по которому мы проверяем содержание и направление мировой литературы. Эти три события следующие: **мировая война, Октябрьская революция и приход фашистов к власти в ряде стран.** Для эстетов это может казаться очень странным. Какая же это характеристика литературы, которая берет не критерий эстетический, а критерий крупных исторических событий. Но в нашем кругу не приходится спорить о том, что раз литература есть отображение общественной жизни, то, понятно, мерилом ее является именно отношение к таким крупнейшим фактам исторического развития, какими являлись война, Октябрьская революция и фашизм.

Тов. К. РАДЕК на трибуне с'езда.

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА И ВОЙНА.

Товарищи, отношение мировой буржуазной литературы к войне является самым основным фактом, из которого надо исходить. Все писатели международной литературы, считавшие себя стоящими над классами, над конкретными материальными интересами, считавшие себя представителями чистого искусства, в момент, когда началась война, оказались **на стороне империализма,** бросившего в омут империалистической войны миллионы рабочих и крестьян.

Даже такие люди, как **Анатоль Франс,** глубочайший скептик, человек, привыкший даже в восстании ангелов искать материальную подоплеку, — и он поверил в то, что война возникла без всяких экономических причин, без борьбы трестов и картелей, и «поклонился этой войне».

Из крупных буржуазных писателей воюющих стран только великий гуманист **Ромэн Роллан** не капитулировал перед Молохом империализма и, заслонив лицо от ужасов войны, пытался лечить раны ее, организуя помощь военнопленным.

Только два писателя с мировым именем оказались в это время против войны. Это— **Максим Горький,** который уже тогда доказал, как прав был **Ленин,** называя его пролетарским писателем, и наш старейший друг — т. **Андерсен-Нексе. (Аплодисменты).** И это, понятно, было не случайно: оба они были представителями рабочего класса.

Только, когда началось глубокое брожение в народных массах, уставших от войны, появляется первая ласточка протеста против войны, и снова не случайная, как история показала: **Анри Барбюс** выступает в 1916 г. со своей книгой **«В огне»,** которую **Владимир Ильич** и все мы, бывшие с ним в Швейцарии, сразу определили, как выражение начала протеста народных масс.

В своей книге, значение которой в первую очередь состоит в том, что она с неслыханной правдивостью рисует войну, как каторгу и ад народных масс, Барбюс выводит капрала Берни Бертрама, который ставит себе вопрос: с кем история будет сравнивать в будущем жертвы мировой войны, сравнивать ли их **«с делами героев Плутарха и Корнеля или же с подвигами апашей»?**

И капрал Берни Бертрам в этой черной ночи империалистической войны, стоя в окопах, бросает французскому солдату имя, которое выражает будущее: он называет имя **Карла Либкнехта.**

Товарищи, капрал Бертрам не был еще бойцом против империалистической войны, ибо капрал Бертрам, назвав имя Либкнехта, сказал одновременно:

«Однако это настоящее необходимо, необходимо! Позор военной славе, позор армиям, позор ремеслу солдата, превращающему людей поочередно то в безмозглые жертвы, то в подлых палачей. Да, позор! Это правда,—но это слишком правда! Правда для вечности, но еще не для нас. Это будет правдой, когда ее подчеркнут среди других истин, постичь которые мы сумеем лишь позже, когда очистится дух наш, но мы еще далеки от того. Теперь, в данный момент, эта правда—почти заблуждение, это священное слово — только богохульство».

Честный, думающий солдат, он видел восстание против империализма только в далеком будущем. Воспринимая империалистическую войну как настоящее, против которого нельзя бунтовать, он выражал усталость народных масс, но не выражал еще их духа восстания.

Империализм держал в своих руках мировую литературу буржуазии и заставлял ее служить интересам империалистической войны. И только **после войны,** когда Октябрьская революция и революционное движение во всех странах заставили буржуазию сомневаться, можно ли рискнуть еще раз бросить народные массы в омут, из которого народные массы выходят носителями революции, появляется во всех странах широкая **пацифистская литература,** протестующая против войны. Эта литература громадна. Нельзя перечислить всех авторов, которые после войны выражали отвращение к войне. Самый известный из всех этих писателей, это — **Ремарк,** и стоит остановиться на его романах, потому что они показывают, что эта литература продолжает линию подчинения империализму, несмотря на протест против него.

В своей первой книге **«На Западе без перемен»** Ремарк дает жуткую картину истребления народных масс в войне, не показывая нигде протеста. В другой книге— **«Возвращение»,** в которой он выводит своих военных героев после их возвращения домой, он наиболее ярко выразил не только бессилие буржуазной литературы перед лицом войны, но и нежелание бороться против нее. Герой его приезжает в Германию, в которой происходит гражданская война, и от этой гражданской войны бежит в деревню, чтобы заняться учительством. Почему он бежит туда? Что он несет детям, которых должен обучать? Он говорит в этой книге:

«Вот я стою перед вами, один из сотен тысяч банкротов, всю веру и почти все силы которых разрушила война; вот стою я перед вами и чувствую, насколько больше в вас жизни и нитей, связывающих с бытием, чем у меня; вот стою я перед вами, ваш будущий учитель и руководитель. Чему же мне учить вас? Рассказать мне вам, что в двадцать лет вы будете уже искалеченными, высохшими людьми, что ваши вольные инстинкты захиреют и вы окажетесь безжалостно спрессованными в товар — двенадцать на дюжину? Рассказать вам, что все образование, вся культура, вся наука, это—жесточайшая насмешка и не больше того, пока люди будут уничтожать друг друга во имя господа и человечности ядовитыми газами, железом, порохом и огнем».

Герою Ремарка даже в голову не приходит, что можно учить, как уничтожать общественный строй, порождающий войны.

«Часть моей жизни была отдана делу разрушения, ею владели ненависть, вражда, смерть. Но я остался жив... я хочу работать над собой. Я хочу, чтобы мои руки трудились и мысль работала. Я хочу быть скромным и итти вперед, даже когда хотелось бы остаться на месте. Надо многое восстановить, надо много работать. Надо откопать, что было засыпано в годы гранат и пулеметов. Но не всякий должен быть пионером. Нужны и более слабые руки и малые силы. Среди них я постараюсь найти свое место, и тогда мертвые замолчат, и прошлое не будет преследовать меня, а помогать».

Не всякий может быть пионером! Ремарк не хочет быть пионером борьбы против империализма. Он надеется, что маленькое его дело—учеба детей—заставит молчать мертвых. Но мы знаем, что эти скромные подвиги господина Ремарка не только не заставили молчать мертвых, но что та же фабрика мертвецов, которая поставила столько жертв Молоху войны в 1914—18 гг., подготовляет новую массовую продукцию мертвецов. И сам Ремарк, который в своих книгах протестовал против войны,—теперь беглец из страны, страны, завоеванной тем же самым фашизмом, против которого он не дрался и который есть режим подготовки к новой войне.

Но если в этих книгах Ремарка виден хотя бы какой-то внутренний протест против всех ужасов империалистической войны, то сегодняшняя пацифистская «антивоенная» литература буржуазии уже не только заявляет о своем банкротстве, как силы против войны, но и переходит к признанию неизбежности новой войны.

Возьмите хотя бы книги, статьи, выступления **Жюля Ромэна,** который принадлежит именно к литературным гуманистам, провозглашающим мир между народами на основе интеллектуального сотрудничества. Он провозглашает в своих произведениях идею Соединенных штатов Европы, которые если не были бы утопией, то были бы организаторами войны европейских империалистических держав против Соединенных Штатов Америки, против Японии или СССР. Возьмите книгу **Уэллса,** автора **«Мистера Бритлинга»,** который выражал гуманитарный протест против войны. Какую перспективу развивает он теперь перед человечеством? По Уэллсу неминуема война с 1935 до 1985 г. 50 лет люди будут истреблять друг друга.

Два — три года назад Уэллс надеялся, что можно будет еще избежать войны. В романе **«Диктатура мистера Перхема»** он выводит фашизм в Англии, который начинает войну против СССР. Война кончается всеобщей свалкой, но умный капиталист убивает начальника штаба, который эту войну подготовляет, и спасает человечество. Два года спустя г. Уэллс, изучая судьбы Европы, дописывает новую главу к своей истории человечества, главу о новой войне, как неизбежной необходимости.

Налицо полное, окончательное банкротство пацифистских идей в литературе. Опиум, подаваемый массам для их усыпления в момент революционного под'ема 1918 — 1923 гг., сменяется **проповедью войны с момента,** когда ряд империалистических стран начал борьбу за передел мира **и перешел от пацифистского обмана народных масс к открытой подготовке войны.** Возникает литература, подготовляющая открыто эту войну. В **Японии** существует целая промышленность, создающая эту литературу. Романы, представляющие с восторгом будущую войну, появляются десятками, и они бросаются в народные массы в миллионах экземпляров. Сегодня,— роман о войне с Советским Союзом, завтра — роман о войне с Америкой.

В Германии возникает новая «героическая» литература. Все эти **Иосты, Бемельбурги** и др. — это люди, которые начали идейную подготовку войны.

С точки зрения искусства литература эта не имеет никакой ценности. Это — реклама для фабрик будущих мертвецов. И снова надо сказать, что против этой литературы открытого фашистского, империалистического фланга буржуазная литература в целом не находит противоядия, ибо она сама признала банкротство пацифизма и в то же время боится пролетарской революции и не может к ней апеллировать.

Подводя итоги отношения буржуазной литературы к этому первому крупнейшему мировому событию, которое стоило человечеству 10 млн. мертвецов, которое разрыло, разрыхлило всю почву капитализма, надо сказать: мировая литература буржуазии выполнила свою задачу. **Она НЕ стала голосом протеста и голосом борьбы против мирового империализма,—она стала средством восхваления войны или усыпления боевой готовности пролетариата.**

Пролетарская литература Запада делает только первые шаги. В ней можно найти ряд произведений, которые обращаются именно к бунту народных масс против войны. Это — сочинения разной ценности, но все-таки от романа **И. Бехера,** который провозглашает бунт против войны, от романа **Пливье,** который дал нам картину восстания в германском флоте, берет начало пролетарская антивоенная литература. Целый ряд начинающих пролетарских писателей не только выражает протест против войны, но пытается отразить борьбу народных масс против войны.

Наши японские товарищи снискали себе бессмертную славу. Несмотря на весь бешеный гнет империалистической цензуры, несмотря на то, что тюрьмы Японии заполнены бойцами пролетариата, молодая пролетарская литература Японии сумела отразить даже брожение, происходящее в японской армии в Манчжурии, сумела дать целый ряд очерков, в которых эта борьба находит свое выражение. Они пытаются не только отобразить начинающуюся борьбу народных масс, но и стимулировать эту борьбу, повлиять на эту борьбу.

Но мы не должны, товарищи, забывать, что в этой области перед пролетарской литературой работы непочатый край. Литература буржуазии стала на колени перед Молохом войны. Литература пролетариата должна дать народным массам картину сложнейшего механизма убийств, разрушения, который создал современный капитализм, показать нити, при помощи которых монополистический капитал управляет марионетками дипломатии и гонит народные массы на войну. Перед пролетарской литературой стоит задача отобразить протест народных масс, их стремление к борьбе и показать им тот выход из войны, который советский пролетариат нашел, опрокинув власть буржуазии и создав пролетарскую республику.

Наши иностранные друзья писатели часто спрашивают, что им делать в случае войны. Некоторые из них заявляют, что первым делом они встанут в ряды Красной Армии. Мы высоко ценим эти чувства, но надо им сказать: не думайте о том, что вы будете делать во время войны, а думайте сначала о том, **что мы, как художники, должны сделать теперь, когда война еще не началась, для того, чтобы широчайшим народным массам показать, какую участь готовит им империализм в новой войне. (Аплодисменты).**

Первая задача пролетарской литературы — дать картину военной подготовки империализма, дать картину великого мирного труда Советского Союза и показать народным массам, за что их погонят на войну и как надо против этого бороться.

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА И ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Мировая война родила Октябрьскую революцию.

Литература мировой буржуазии была поставлена историей перед вопросом: что же представляет собой Октябрьская революция и как надо к ней относиться?

Вторую проверку мировая литература прошла так же, как первую.

Будущая история найдет шкафы книг, памфлетов и романов, в которых корифеи мировой буржуазной литературы представляли этот Советский Союз исчадием ада, а Октябрьскую революцию—в лучшем случае бунтом рабов, которых подняла на дыбы война.

За исключением нескольких писателей, как **Ромэн Роллан,** как **Бернард Шоу,** которые задумались над этим великим событием и которые, не понимая его полностью, не предполагая, что здесь началась новая эпоха человечества, все-таки преклонились перед революцией пролетарских и крестьянских масс СССР, — за исключением их вся буржуазная литература оказалась литературой памфлета, литературой клеветы на Октябрьскую революцию.

Г-н **Уэллс** был противником интервенции. Мы ему за это были благодарны, это войдет хорошей страницей в историю его жизни. Но всмотритесь теперь в его книгу **«Россия во мгле»,** книгу 1920 г. Что Уэллс увидел у нас? Он увидел, как он пишет, разрушение остатков цивилизации. Уэллс преклоняется перед идеализмом большевиков, но стремления их считает утопией.

Целый ряд буржуазных писателей, пробыв в нашей стране во время гражданской войны, сумел однако дать картину нашей героической войны. Достаточно указать на книги **Рансома, Прайса.** Но ни один из них не сумел все же понять, что началась новая эпоха развития человечества и что Октябрь открыл новую страницу истории.

Пришел нэп, и в нэпе эти буржуазные писатели увидели подтверждение своей правоты. Большевики докатываются к капитализму, но, как люди ловкие, они называют старую экономическую политику капитализма новой экономической политикой, чтобы легче было эту пилюлю проглотить. Так в общем оценивала буржуазная литература нэп.

Только наиболее романтические типы среди этих буржуазных писателей обиделись на нас.

И пришли годы пятилетки и годы великого кризиса капиталистической системы. Буржуазная литература стала снова перед явлением, которого она не понимала, но на этот раз перед явлением, происходившим не у нас, а у них.

И, надо сказать, что **мировой кризис и великие дела пятилетки оказали на мировую литературу более сильное влияние, чем все предыдущее развитие, чем война, чем Октябрьская революция.**

КРИЗИС КАПИТАЛИЗМА И РАСКОЛ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Нет ни одной страны, в которой самые крупные писатели не признали бы неслыханного для них факта — глубочайшего кризиса капитализма и громадного роста социализма. И это приводит наиболее мужественных из этих писателей к раздумью и вызывает их поворот к нам.

Если уже раньше мировая буржуазия потеряла монополию в мировой литературе, ибо во всех странах начала возникать пролетарская литература, то теперь происходит раскол в недрах мировой литературы буржуазии.

Драйзер, человек, завоевавший крупное имя в американской литературе уже перед войной, несколько лет назад еще говоривший, что вся его жизнь не дает ему никакого об'яснения того, что происходит в мире, что он полностью растерялся, а теперь мужественно выступает не только за Советский Союз, но призывает Америку последовать примеру Советского Союза.

Ромэн Роллан — крупнейший писатель Франции, человек, в голосе которого не звучала никогда медь, призывающая к железной борьбе, человек, которого гуманизм отделял от нас, пишет свое **«Прощание с прошлым»** и заявляет, что СССР показал пути международному человечеству, и призывает это человечество на путь, по которому двигается Советский Союз.

Но Драйзер — реалист, который уже в своих предыдущих сочинениях разоблачал капитализм, хотя не делал из этого полных выводов, а Ромэн Роллан если никогда не был бойцом, то всегда был великим другом человечества. Тут, казалось, эволюция еще понятна. Но вот **Андрэ Жид** — писатель, затворившийся в башне из слоновой кости, оторвавшийся от жизни, выступил с заявлением, что развитие капиталистических стран и развитие СССР убедило его в неизбежности и желательности гибели капитализма и обязанности всеми силами поддерживать социализм и Советский Союз.

Мы присутствуем при расколе литературы буржуазии. Раскол такой, понятно, никогда не проходит гладко.

И очень важно нам понять, — **что же мешает многим писателям, искренним писателям, перейти Рубикон, стать на нашу сторону баррикад, что вызывает эти мучительные процессы?**

Налицо несколько причин. Одни из них не могут решиться на борьбу. Французский критик **Фернандес,** говоря в своей статье об Андрэ Жид, об этих задерживающих моментах, пишет:

«Мы, писатели, не были бойцами, мы описывали жизнь, и нам трудно занять позицию, которая обязывает принимать участие в борьбе».

Этим писателям история уже ответила 10 мая 1933 г., когда германские фашисты на площадях Берлина жгли книги не только **Горького,** не только **Сталина,** не только пролетарских германских писателей, как **Ренн** и др., но и книги всех гуманитарных писателей, заявляя: «Кто не с нами—тот против нас». 10 мая 1933 г. фашисты сказали всем писателям мира: **нет нейтралитета в той борьбе, которая происходит на исторической арене.**

Второй аргумент, который выдвигают эти писатели, это — аргумент, заслуживающий самой внимательной оценки, самого доброжелательного разбора, ибо это—центральный аргумент. Они преклоняются перед Советским Союзом. Они говорят: «Да, у **вас** происходят величайшие дела, у **вас** целые народы в первый раз в своей истории находят язык и слова. У **вас** поднимается вчерашний раб, у **вас** поднимается женщина. Мы не знаем, как назвать этот процесс, но это—афкт. У **вас** есть революционная сила, **а у нас на Западе мы этой силы не знаем».**

МЕЖДУ ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ И ФАШИЗМОМ.

Эта последняя преграда на пути писателей, идущих от другого берега к нам, нашла ярчайшее выражение в двух драмах **Бернарда Шоу.**

В драме под заглавием **«Чересчур верно, чтобы было хорошо»** он выводит старого англичанина, атеиста, который таким образом характеризует нынешнее состояние капиталистического мира:

«Мир рушится, мир Исаака Ньютона, который стоял незыблемой крепостью нашей культуры три сотни лет, рушится, как стены Иерихона, перед критикой Эйнштейна. Все было в порядке, звезды в своих орбитах подчинены были тем же незыблемым законам, как и атом в своем ядре, и тут и там — движение электронов, подчиняющихся универсальному плану мироздания. Все было учтено, вычислено, определено заранее, все происходило потому, что должно было произойти, и не было места в мироздании неизвестному, неожиданному, непонятному. В этом была моя вера. И что же осталось от нее теперь? Клочья, лохмотья. Новые открытия в науке взорвали эту веру, утеряны законы, на месте их произвол, каприз, случай, и движутся электроны по орбитам, подчиняющимся какой-то неучтенной, капризной воле. Мир стал непонятным, и я заблудился, запутался в нем. Раньше, когда я ссорился с женой или когда одолевали меня деловые неприятности, я находил отдых и утешение в музеях естественной истории, где я любовался, изучая теорию естественного подбора. А теперь что осталось от нее? КЛОЧЬЯ, ОБРЫВКИ. И я бегу, бегу из музеев и кричу и восклицаю: ГДЕ ПУТЬ К СПАСЕНИЮ? ИБО ДЛЯ МЕНЯ НЕ ПОНЯТЬ — ЗНАЧИТ ПОГИБНУТЬ. КТО ЖЕ СПАСЕТ МЕНЯ ОТ СТРЕМИТЕЛЬНОГО ПАДЕНИЯ В БЕЗДНУ?»

В этих словах—отчаяние интеллигента, выросшего под влиянием дарвинизма, позитивизма, в викторианскую эпоху, в период под'ема капитализма, где все казалось вечным, как вечно движение звезд. Этот человек стоит перед лицом **величайшего материального, политического, идеологического кризиса капитализма,** — все догматы рухнули, он ничего не понимает, а, как человек мозга, говорит: **не понять — это значит для меня, думающего человека, погибнуть,** и он чувствует, что летит в пропасть.

В другой драме, которая последовала за этой, Шоу переносит эти вопросы из мировоззренческой области **в область политики.** Он дает блестящую уничтожающую картину сумерек буржуазной демократии. Премьер-министр Шавендер болен от утомления, от трудов, но врач ему говорит: нет, вы больны от того, что вы вертитесь весь день, как белка в колесе, вы думаете, что вы что-то делаете, но ваш мозг не зацепляется ни за какое решение. Вы больны от пустоты нашего капиталистического, демократического строя.

Шавендер ведет переговоры со старым вождем тред-юнионов Хипнеем. Этот старый рабочий деятель, выросший в период демократии, когда-то глубоко веривший в эту демократию, этот старик Хипней оказывается уже наполовину фашистом.

Хипней говорит:

«Старый доктор Маркс (теперь его называют Карлом Марксом, мой отец знал его очень хорошо) верил, что рабочий класс Европы об'единится и разрушит капиталистический мир после того, как Маркс об'яснит ему необходимость этого. 50 лет спустя после основания Красного Интернационала поднялись рабочие Европы, расстреливали друг друга, взрывали друг друга в воздух, заставили 20 миллионов своих маленьких детей холодать и голодать или красть и нищенствовать, как будто доктор Маркс никогда не жил, и завтра они сделали бы это же самое, если их на это толкнуть. Ведь они не хотят ничего — только немного труда, еды и хорошей жизни, такой, какой они себе ее представляют».

Старый тред-юнионист Хипней считает, что Маркс даром жил, что рабочий класс не хочет бороться, что если силы империалистического мира захотят, то они смогут погнать его куда угодно.

Из этого Хипней делает вывод. Он говорит:

«Лучше диктатор, который ответствен перед всем миром за добро и зло, им совершенное, чем маленький грязный диктатор на каждой улице, ни перед кем не ответственный, который выгонит вас из вашего дома, если ему не уплатят за право жить на его земле, который выбросит вас с работы, если вы выступите против него как равный человек. ВЫ МЕНЯ НЕ ИСПУГАЕТЕ СЛОВОМ «ДИКТАТОР». Я И МИЛЛИОНЫ ТОВАРИЩЕЙ ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ ВЫНОСИЛИ ДИКТАТУРУ СВИНЕЙ, КОТОРЫЕ ИМЕЛИ ТОЛЬКО ОДНО КАЧЕСТВО, ЧТО ОЧЕНЬ ХОРОШО ЧУЯЛИ ДЕНЬГИ».

Что основное в этих взглядах? Эти взгляды опираются на известные факты — на то, что социал-демократия, II интернационал сумели помочь буржуазии погнать рабочих в мировую войну, как стадо, как скот, связав их предварительно по рукам и ногам. Этот взгляд опирается на то, что в продолжение 20 лет, отделяющих нас от войны, европейский рабочий класс в самых старых, развитых капиталистических странах не сумел еще сбросить иго капитализма.

Писатель, который видит развал капитализма, который видит развал демократии, **не видит еще на Западе революционной силы,** которая в состоянии привести к победам в Европе. Если он не станет более зорким и не увидит этой силы, он в отчаянии или уйдет в небытие или будет искать шарлатанских средств преодоления кризиса капитализма. Эти средства подсовывают ему фашисты, представляя фашизм как «левое» движение, которое кончает с демократией, с развалом капитализма и создает какой-то новый строй.

Наш друг **Ришар Блок** в одной статье очень правильно сказал:

«В демократических странах путь для фашизма открыт «законом о полноте власти». Проведения этих законов лучше всего добиваются левые правительства, которым они нужны. Когда же обычное движение качелей парламентской политики приводит к власти партию социальной реакции, эти законы наготове для того, чтобы эта партия могла их использовать».

Мы, советские писатели, должны сказать нашим колеблющимся друзьям за границей: Октябрьская революция была **первой** революцией в мире, пролетарская революция в России победила раньше не потому, что социализм есть форма, жизненно и общественно возможная только в СССР, а потому, что в России благодаря особенностям исторического развития раньше была создана железная партия **Ленина,** которая сумела подготовить кадры революции и сумела сделать пролетариат руководителем крестьянских масс и городской бедноты. Но источники Октябрьской революции общие: это — загнивание монополистического капитализма, его противоречия, которые породили Октябрьскую революцию и которые приведут пролетариат к мировой победе.

И кто не понял международного лика Октябрьской революции, кто не понял, что мы являемся не концом, а началом мировой революции, кто не понял, что коммунистическое движение Запада, как бы оно ни было еще слабо в некоторых странах, есть начало той же самой революции, которая победила в Октябре 1917 г., кто этого не поймет, тот станет вольно или невольно жертвой фашизма. **Ибо кто не понял, что в его стране есть силы, способные взять власть, положить конец капиталистической разрухе, преодолеть все язвы капитализма, — кто этого не поймет и кто не будет помогать этим силам в борьбе за социализм, тот будет стоять в окончательном счете по ту сторону баррикады.**

Мы, советские люди, должны сказать нашим друзьям, революционным писателям Запада, что всякое горячее слово в поддержку Советского Союза, всякую поддержку, какую они нам оказывают, мы ценим глубоко. Но мы должны сказать этим писателям словами **Карла Либкнехта: «Враг стоит в собственной стране. (Аплодисменты). В собственной вашей стране находятся, развиваются и живут силы, которые сокрушат этого врага».** Писатель, который хочет помочь строящемуся у нас социализму, писатель, который хочет бороться с фашизмом, писатель, который хочет бороться с опасностью войны, должен найти путь к этим силам, путь к пролетариату, каким бы меньшинством в его стране пока еще ни был революционный пролетариат. Победоносные советские большевики тоже начинали с меньшинства в рабочем классе...

ФАШИЗМ И ЛИТЕРАТУРА.

Мы — с'езд советских писателей — протягиваем братскую руку всем писателям, находящимся на пути к нам, как бы далеко они от нас еще ни были, если мы только видим у них волю и желание помочь рабочему классу в его борьбе, помочь Советскому Союзу. Мы говорим им: лучшая помощь, которую вы нам можете оказать, будет, если вы станете **плечом к плечу с рабочим классом своей страны, с его революционным меньшинством для борьбы против всех тех опасностей, которые согнали с ваших глаз сон, которые отняли у вас эстетское спокойствие.** Писатели, которые этого не поймут, неминуемо очутятся в лагере фашизма, и поэтому неслыханно важно для нас совместно с ними продумать — что такое фашизм для литературы.

Писатели должны себя спросить и ответить на вопрос, что **представляет фашизм для культуры, для литературы.**

Фашисты говорят: нет литературы, стоящей вне борьбы. Или вы идите с нами, или против нас. Если идете с нами, то творите с точки зрения нашего мировоззрения, а если не идете с нами, то ваше место в концлагере. Это сотни раз говорил **Геббельс,** это сотни раз провозглашал **Розенберг.**

Существует очень талантливый германский писатель **Ганс Фаллада,** книга которого **«Маленький человек, что же дальше?»** известна в нашей стране. Ганс Фаллада великолепно описывает страдания масс в буржуазном обществе, показывает, как они обманываются представителями капитализма, представителями буржуазной демократии. Он вывел социал-демократов, фашистов, но многим трудно было определить: за фашистов ли он или против фашистов.

Ганс Фаллада написал теперь новый роман: **«Кто раз хлебнул из жестяной миски».** Герой этого романа — поскользнувшийся мелкий буржуа, попавший в тюрьму и просидевший в тюрьме 5 лет. Он пытается стать на ноги, жить, как честный гражданин, но бюрократически-буржуазная машина капитализма затягивала его обратно в тюрьму. И когда этот герой очутился наконец снова в тюрьме, то он почувствовал себя так, как бы вернулся к родной матери. Теперь перед ним 15 лет тюрьмы, но ему не придется больше драться...

Это—глубоко талантливая, но безнадежная книга. Она появилась в свет в момент, когда уже пришел к власти Гитлер. Ганс Фаллада в предисловии пишет, что нарисованная им картина относится к прошлому, что фашисты создадут новые условия. Ганс Фаллада решил спасти таким образом книгу и себя, притворяясь, что говорит о прошлом.

Но что на это ответили фашисты? Берлинская **«Берзенцейтунг»** напечатала громовую статью такого содержания:

«Мы знаем, что Ганс Фаллада написал эту книгу не против нас. Пусть бы попробовал! Но за кого он написал эту книгу? Написал за неудачников, за размолотых историей. Он будит жалость к тем, которых нужно вывести из жизни для того, чтобы оставить место для штурмовиков с мускулами и наганом в руках».

Фашизм, который предает интересы мелкой буржуазии, знает, что, когда люди будут читать эту книгу, показывающую, как капитализм при демократии размалывал мелкую буржуазию, то они скажут: «При фашистах не лучше, а хуже». И фашисты требуют от писателя: «Ты нарисуй нам такую картину, которая покажет, как при фашизме все люди идут вперед, растут и блаженствуют. Ты не смей будить жалость к тем, которых размалывает капитализм».

ОКОНЧАНИЕ СМ. НА 4 СТР.

*) Сокращенная стенограмма.

СОВРЕМЕННАЯ МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРСКОГО ИСКУССТВА.

ОКОНЧАНИЕ ДОКЛАДА тов. КАРЛА РАДЕКА.

У нас есть тоже слабые книги. Наша молодая пролетарская литература не сразу сумела дать такие книги, как книги Шолохова или Панферова. Мы имеем много лубочных произведений, особенно в прошлом. Но не было такого периода в нашей литературе, в которой были бы возможны такие плохие сочинения, какие создает фашизм. Я говорю о художественной ценности этих произведений. У нас могли быть слабые произведения, но они все-таки в основном давали правду жизни.

В **польской** литературе нет ни одного сочинения, которое дало бы убедительную для масс картину фашистской Польши. Самый крупный и действительно талантливый писатель лагеря пилсудчиков **Каден Бандровский** попытался дать эпос современной Польши. У него вышло уже, кажется, 5 или 6 томов. Первые два тома его трилогии **«Черные крылья»** переведены на русский язык.

Что дает Каден Бандровский? Он показывает угольный бассейн, показывает, что рабочие живут там, как скот, показывает польскую техническую интеллигенцию на службе иностранного капитала, дает картину неслыханной эксплуатации, рисует грязь капиталистической верхушки, вскрывает соглашательскую политику партии ППС. Он пытается показать коммунистов, изображая их слабоумными, но все же эти коммунисты являются единственно честными людьми в романе, единственными людьми, которые верят в то, за что они борются. Пилсудчиков он не выводит в этом романе.

Затем Каден Бандровский написал вторую трилогию, в которой он вскрывает продажность польского парламента и предательство социал-соглашательской партии. В романе, который доведен до момента, когда пилсудчики берут власть, опять-таки не показаны пилсудчики.

Почему их там нет? Потому, что Каден Бандровский — талантливый автор, и он понимает, что если он покажет режим пилсудчиков, то не видно будет, чем они отличаются от тех, кого он разоблачал.

Талантливый художник Каден Бандровский в своем романе **«Генерал Барч»** сумел создать легенду о Пилсудском, ибо тогда легионы были небольшой группой окруженных ореолом героев борьбы за независимость Польши.

Режим фашистской власти он не может показать, а если он покажет, то можно заранее сказать, что у него ничего не выйдет.

Возьмем **итальянскую** фашистскую литературу. Эта литература имеет уже десятилетнюю историю. Я не буду рассказывать вам по очереди содержание десяти романов, которые мне пришлось прочесть в последнее время и которые считаются в Италии лучшими. Ни одного из этих романов нельзя считать художественным произведением.

Я только процитирую вам оценку положения фашистской литературы, которую дают фашистские литературные критики. В **«Джорнале д'Италиа» Эрколе Ривальта** пишет:

«Литература наша изображает молодежь, предающуюся порочным инстинктам, лишенную всякого духовного проблеска, порабощенную животным вожделением. И это не литературный вымысел, а глубокая действительность, воплощенная в людях, которые, будучи рождены в первое десятилетие века, не прошедшие сквозь весь ужас войны, не совершили больших дел, не боролись за фашистский переворот и являются воплощением хаотической пошлости. Нужно бы заткнуть рот этим людишкам».

Представляете вы себе, что мы могли бы сказать про наш комсомол, что, так как он не принимал участия в Октябрьской революции, потому что он родился позже, он не совершает больших дел, что он состоит из никчемных людишек.

Мы знаем, что наш комсомол—гордость нашей страны, что все великие стройки—комсомольские стройки. Кто побывал на наших крупных стройках, тот видел, что комсомольцы работают всюду — от рабочего от станка до инженера. Наш комсомол совершает великое дело. **(Аплодисменты).** А о фашистской молодежи, которая выросла после прихода фашистов к власти, «Джорнале д'Италиа» пишет, что это — людишки, не совершившие больших дел.

Другой критик, **Джерардо Кассини**, в **«Лаворо фашиста»**, говоря о литературе вообще, заявляет:

«Как может в героическую триумфальную эру революции существовать литература, упорно стремящаяся замкнуться в самые ограниченные рамки, отказавшаяся от великого обновления? Надо вдохнуть в литературу струю новой жизни, заставить ее участвовать в строительстве новой истории».

Оказывается, что итальянская литература при фашизме не участвует в строительстве того, что они называют «новой жизнью».

Третий критик, **Теллезио Интеланди**, редактор **«Тевере»** говорит так:

«Нам нужен такой писатель, который видел бы нашу деревню веселой, наших крестьян веселыми, наших рабочих спокойными, доверчивыми, примирившимися с родиной, который видел бы, как наши дороги расходятся от Рима, тянутся по всем концам света, и слышал бы металлический голос Муссолини, наполняющий площади».

Фашистский критик кричит: дайте такого писателя, который может показать, что наши крестьяне довольны, что рабочие радостны, спокойны. Он признает, что такого писателя нет. Одним словом, он устанавливает, что после прихода к власти фашистов **литературы, — не как фабрики книг, которые продаются по нескольку лир, а литературы художественной, творящей великие образы, — в Италии не существует.**

Мы должны ответить на вопрос, — а это есть основной вопрос с точки зрения литературы, — **почему литература при фашизме умирает.**

Почему? Причина этого совершенно ясна, — она связана с самими корнями всего развития искусства и литературы.

Мы должны себя спросить так: почему существовал Шекспир в XVI столетии, а почему буржуазия теперь не в состоянии дать Шекспира? Почему существовали великие писатели в XVIII столетия и в начале XIX? Почему нет теперь таких великих писателей, как Гете, Шиллер, Байрон, Гейне и хотя бы Виктор Гюго? Литература периода буржуазии была всегда буржуазной литературой, она всегда служила целям буржуазии, но тогда, когда буржуазия боролась с феодализмом, когда она освобождала умы, хотя бы свои собственные, от всего груза средневекового мышления, когда она раскрепощала производительные силы, она создавала писателей, которые описывали эти великие бои.

Достаточно прочесть **«Кориолана»** или «Ричарда III», чтобы увидеть, какую громадную страсть, какое напряжение изображает художник. Достаточно прочесть «Гамлета», чтобы увидеть, что перед художником стояли великие вопросы: куда идет мир?

Когда Германия в XVIII столетии выходила из периода своего полного изнеможения, когда она спрашивала себя, где выход, — а выход был в воссоединении — она родила Гете, родила Шиллера.

Когда писатель может относиться к действительности утвердительно, он может дать правдивую картину этой действительности. **Но где вы найдете художника, который сумеет убедить миллионы рабочих и крестьян, что мировая империалистическая война есть благо?**

Попробуйте найти крупного художника-современника, который даст правдивую книгу об итальянской деревне, книгу, которая убедила бы крестьян и нас, что фашизм принес итальянской деревне освобождение. Между тем есть правдивая книга об итальянской деревне, книга **Силоне**, человека, который в своей жизни делал большие политические ошибки, но который дал правдивую картину деревни, ибо он — враг фашизма. А правда об итальянской деревне может состоять только в том, что итальянский фашизм не устранил власти помещика, не устранил эксплуатации крестьянства капитализмом, не устранил, а усилил гнет бюрократии в фашистской деревне.

И если бы сегодня родился писатель даже такого таланта, как Шекспир, такого таланта, как Микель Анджело или Леонардо да Винчи, то, поставленный перед задачей нарисовать убедительную для народной массы **картину фашистской действительности, он дал бы картину, говорящую против фашизма,** против капитализма, и не мог бы дать **картину, говорящую за них.**

И в этом — причина загнивания фашистской литературы. И в этом — причина того, что **фашизм никогда не создаст крупной литературы, убедительной для широких масс.**

В период умирания капитализма фашисты могут уничтожить литературу, но крупной литературы они не создадут. И всякий художник, даже который не понимал бы всей совокупности жизни, не понимал бы, что такое фашизм, должен понять одно: **фашизм есть умирание, гниение, развал литературы.** И кто хочет, чтобы снова развилась мировая литература, кто хочет новой литературы, кто хочет, чтобы этот великий рычаг развития человечества, который дал человечеству величайшее наслаждение, который заполняет жизнь многих людей, который является источником великого творчества, чтобы он жил и развивался, — тот должен **отчалить от этого берега, искать путей к нам, должен итти с пролетариатом на борьбу с капитализмом, на борьбу с фашизмом,** ибо только в этой борьбе возникнет, разовьется и укрепится литература, которая будет великой литературой.

РОЖДЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ И ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Мы являемся свидетелями рождения революционной и пролетарской литературы. Мы имеем перед собой не только рост литературы в Советском Союзе, где она развивается на наших глазах в мощную передовую литературу мира, но мы являемся и свидетелями **начала рождения пролетарской литературы во всем мире.**

Все основные принципы, устанавливающие наше отношение к проблеме пролетарской литературы, мы находим у Ленина, когда он дает оценку разным писателям буржуазии, помещиков, и когда он дает общие установки по отношению к культурной революции. Утверждение Троцкого о невозможности пролетарской литературы опиралось, во-первых, на непонимание, что мировая революция является длительным периодом, периодом поражений и побед, что она—не коротенький взрыв, что она—не результат какой-то кон'юнктуры, которая возникла в связи с войной и может миновать, и, во-вторых, на отрицание возможности построения социализма в одной стране.

Пролетарская литература у нас стала возможной потому, что 17 лет борьбы, в течение которых советский пролетариат создал фундамент социализма и строит здание социализма, развили в пролетариате громадные культурные силы и сделали потребностью широчайших народных масс найти в литературе отражение своей борьбы, найти в литературе отражение своих чаяний, отражение своих стремлений.

Но мировой пролетариат, передовые отряды которого ведут борьбу за ниспровержение власти буржуазии и который в этой борьбе переживает неслыханные взлеты и претерпевает громадные поражения, который видит гибель буржуазной культуры и рождение пролетарской социалистической культуры в СССР, — мировой пролетариат не может оставаться немым перед лицом этих потрясений.

Все эти великие бои не могли не найти отражения в литературе, и самым интересным является то, что пролетарская германская литература выходит из недр германского рабочего класса, что создают ее писатели, которые вчера работали на заводе или исполняли обязанности партийного агитатора, партийного организатора. Это такие писатели, как **Мархвица, Грюнберг, Клебер, Пливье** и другие.

Пролетарская литература сумела привлечь к себе не только общественное внимание, но она сумела также привлечь в свои ряды писателей буржуазии. Я не говорю о таких писателях, как коммунистический поэт **Иоганнес Бехер**, который был в движении с самого начала и который пришел в революционное движение не как литератор. Но приход к нашей партии **Людвига Ренна** был результатом не только борьбы нашей партии, борьбы пролетариата, но он совершился уже и под влиянием возникновения пролетарской литературы.

Если вы возьмете другую часть мира — Азию, если вы посмотрите, что происходит в **Японии**, то окажется, что мы имеем там замечательнейшую картину возникновения самой количественно богатой пролетарской литературы, не считая СССР. Эта литература трогательна своей простотой и своей близостью к пролетариату. **Кобаяси, Кукушима, Санети, Хаяши и Токунаги**—это писатели, вышедшие из народных масс.

Японская пролетарская литература является наиболее почвенной пролетарской литературой из всех существующих. Она вся дышит жизнью народных масс. Она развертывает перед нами картину борьбы японского пролетариата, показывает, из каких слоев она исходит, куда идет.

В такой стране, как **Америка**, также происходит глубокий процесс расслоения интеллигенции. Процесс этот находит свое отражение и в рядах пролетарской литературы. Достаточно указать, например, на книгу **Стиля**, который рисует положение на заводах Форда в Детройте.

Мы видим одновременно, как колеблющиеся и переходящие к нам писатели устраивают экспедиции в охваченные забастовками города, куда местные магнаты не допускают никаких коммунистов-агитаторов. Там литература берет на себя не только расследование того, что происходит, расследование всех зверств капитализма, но и функции непосредственного защитника интересов пролетариата.

Мы видим, как во **Франции** возникает пролетарская литература, как из недр пролетариата, из близких ему народных слоев выходят писатели, которые открыто выступают как коммунисты, как пролетарские писатели.

Иностранные писатели на докладе тов. Радека.

Мы видим начало пролетарской литературы в **Англии**. В сердцевине буржуазной Англии, в Оксфорде, где воспитываются сыновья английской буржуазии, кристаллизуется группа, которая понимает, что спасение только в сближении с пролетариатом.

Одновременно с этими новыми ростками, идущими снизу, мы наблюдаем **поворот к нам широких слоев интеллигенции, старой интеллигенции, вчера нейтральной или враждебной.** Этот поворот является предвестником больших социальных сдвигов. Само собой понятно, что **Ромен Роллан** и **Драйзер** не потому пришли к нам, что к нам идут некоторые слои городской и деревенской мелкой буржуазии, ищущие выхода из безысходного при капитализме положения. Эти писатели пошли к нам, движимые тем, что делается в их душе. Но между их душами — душами этих старых писателей — и душами мелких буржуазных масс нет китайской стены. Совершившийся в них перелом — это **символ и симптом готовящихся перегруппировок в народных массах.**

Говоря о главных препятствиях и помехах, которые стоят на пути этих старых писателей, когда они приближаются к нам, я указал на два момента. Во-первых, многие из этих писателей не видят революционной силы в своей стране. Во-вторых, они чуждаются борьбы. Но если мы присмотримся внимательно к этому сближению мелкобуржуазных писателей с нами, революционными писателями, если мы присмотримся к их эволюции, то натолкнемся еще на **другие помехи, которые** надо выявить, ибо процесс прихода их к нам есть болезненный процесс. Им нельзя командовать, его нельзя искусственно ускорять. Но, с другой стороны, эти писатели не преодолеют своих затруднений, пока они не поймут неосновательности того, что их удерживает от нас.

Во Франции эти вопросы трактуются и в романах, и в большой интереснейшей публицистической литературе, в которой идущие к нам художники излагают свои затруднения и которые требуют самого братского и самого теплого разбора.

Возьмите **«Клерамбо» Ромен Роллана**, книгу, написанную в тот период, когда Ромен Роллан не мог решиться итти с нами, книгу, которая излагает все его сомнения. Разберите книгу нашего друга, присутствующего здесь на с'езде, крупного французского писателя **Жан-Ришара Блока**, книгу **«Судьбы века»**, возьмите статьи **Фернандеса**, и вы увидите, что мешает этим писателям или мешало им на известных этапах своего развития притти к нам.

В основном, если отбросить те причины, о которых я уже говорил, — пессимистическая оценка состояния революционных сил в стране, если отклонить нежелание бороться, — что является пуповиной, связывающей этих колеблющихся писателей с другим лагерем? Я беру наиболее вдумчивых, мыслящих писателей, беру их не для полемики, а, наоборот, для того, чтобы понять их и помочь им понять нас.

Какую же идею мы должны помочь им преодолеть? Это — идея **индивидуализма, идея, состоящая в том: «Я, писатель, работник мысли, не могу подчинить себя никакой дисциплине, всякая партия — это шоры, всякая партия связывает художника, я хочу быть вольным стрелком за революцию, я не могу быть солдатом армии революции».** Эта более или менее ясно формулированная мысль есть сердцевина затруднений всех колеблющихся писателей, которые искренне хотят притти к нам.

И, понятно, это затруднение исчезает не от наших аргументов — аргументы могут только помочь, — оно исчезнет тогда, **когда развернется бой и когда писатель увидит, что принимать участие в бою он может только как солдат, что нет борющейся армии, которая не была бы связана внутренним единством и внутренней дисциплиной.**

Само собой понятно, что революция и партия не для того существуют, чтобы обеспечить всем членам полную свободу. **Энгельс говорил, что нет ничего более авторитарного, чем революция, — пролетарская революция обеспечит свободу человечеству,** *она должна создать армию,* **в которой люди об'единяются во имя основного, об'единяются во имя целей борьбы, об'единяются во имя совместной программы, совместного пути и должны подчинить все индивидуальное этому общему, этой общей цели.**

Мы имеем в этой области громаднейший опыт. И если Ленин говорил международному пролетариату в 1920 году в «Детских болезнях левизны», что опыт русской революции может помочь сократить мучения пролетариата во многих странах, — то в специальной области, о которой мы говорим, в области отношений индивидуальной свободы писателя к революции, мы имеем громадный опыт, не только литературный.

Пусть всякий писатель продумает это глубочайшим образом, и тогда он поймет: **или он будет сброшен со счетов борьбы, к которой рвется его душа, в которой он хочет принимать участие, или он должен итти в шеренге борющихся народных масс.** А на войне не бывает так, чтобы каждый солдат мог дойти к цели своей дорожкой. На войне идут по маршруту.

Несмотря на все эти затруднения, **история заставляет писателей поворачивать к нам.** И мы видели непонятный для буржуазной литературы поворот Андре Жида. Мы видели не только поворот Ромен Роллана, крупнейшего французского писателя, но мы видели еще одно, как этот крупный писатель, зашедший в тупик благодаря своему мировоззрению, в первых томах своей **«Очарованной души»** заведший в тупик свою героиню и прервавший этот роман, не зная, куда ее повести, — теперь, став **на новую точку зрения, обеспечивающую исторический выход, в последнем томе показывает эту героиню в бою.**

Я считаю, что эта книга Ромен Роллана — величайшая наша победа, наша победа не только потому, что великий писатель мировой литературы нашел в ней путь к нам, но и потому, что на этом пути он поднялся, как художник значительно выше, чем он поднимался даже в своем лучшем романе «Жан Кристоф».

Великий писатель Ромен Роллан нашел этот путь к нам. Его находят, найдут сотни крупных мировых писателей. Они найдут его, пройдя через ряд ошибок (такая эволюция не происходит в один день), при одном основном условии: если эти писатели не спортсмены в литературе, если эти писатели связаны с народными массами, если большая трагедия, которую переживает сейчас человечество, трагедия гибели одного строя и радость рождения другого строя доходит до их мозгов через **сердце, связанное с народными массами и сочувствующее им.** Может существовать крупный писатель, дающий талантливейшие картины революционных потрясений, но если он не связан кровно с этими борющимися народными массами, с борющимися рабочими и крестьянами, если он ищет в революции убежище от пустоты жизни, то талант его будет пуст, и он не зацветет.

Когда мы все собрались после смерти Владимира Ильича в Большом театре, чтобы с ним проститься, Надежда Константиновна Крупская сказала слова, которые я бы хотел напомнить всем писателям, ищущим пути к нам. Слова совершенно необычные не только в устах, но в устах всех нас, коммунистов. Она сказала: **«Ленин глубоко любил народ».**

И когда вождь нашей партии товарищ **Сталин** отвечал на приветствия партии пролетариата в день своего пятидесятилетия, то он сказал слова, которые в устах такого сдержанного человека, как он, звучали как взятые из самой глубины. Сталин сказал, что он готов всю свою кровь **«каплю по капле» отдать пролетариату.**

Такие слова, какие сказали Надежда Константиновна и товарищ Сталин, говорятся очень редко, но и мы теперь здесь говорим ведь о больших вопросах, о повороте к нам великих художников, которые могут очень помочь рабочему классу и крестьянству в их борьбе. И мы говорим этим художникам: «Можно быть мастером, но не суметь отразить эту великую борьбу. Вы сумеете ее отразить только, если в вас отзовется любовь к народным борющимся массам, которые не только страдают и борются, но которые — единственная основа новой жизни. Вне этого отношения к изображаемой революции, изображаемой борьбе нет крупного искусства».

Пролетарские писатели болеют иными болезнями, чем болели эти старые мастера литературы. Они, короче говоря, болеют недостатком культуры.

В мою задачу не входит распределять писателей по табели о рангах, здесь не место для этого. Почти все пролетарские писатели болеют одной болезнью. В чем она состоит? Во-первых, они, как и всякий писатель, исходят из своего опыта, из того, что они эмоционально ощущали, а они имеют только опыт борьбы на заводе, опыт демонстрации, в лучшем случае вооруженной борьбы на известном участке, и у них весь мир втискивается сюда, и в этом мире есть только пролетариат и буржуазия. Это первое. Но это не коммунистический подход. Коммунистический подход состоит в том, чтобы писатель видел жизнь со всеми ее ступенями и прослойками, потому что все прослойки будут играть большую роль в решающих боях человечества.

Во-вторых, пролетарские писатели просто не овладели еще формой. Буржуазная школа не дала им литературной культуры, и пролетарский писатель должен пробить себе путь большой работой над формой, так же, как он квалифицируется на заводе.

Все это требует времени и все это требует от пролетарских писателей, чтобы они, не теряя своей связи с массой, не уходя ни на один момент от ее борьбы, не превращаясь в зрителей, в наблюдателей этой борьбы, нашли путь к сокровищам прошлой литературы и к современным крупным мастерам, у которых они могут учиться. И те большие писатели, которые приходят к нам, должны помочь этим пролетарским писателям овладеть техникой и сократить таким путем сроки рождения великой пролетарской литературы.

Мы глубоко убеждены, что эта пролетарская литература возникнет через **органическое слияние лучших писателей старой интеллигенции, которые идут к нам, с пролетарскими писателями.** Пролетарские писатели, неся любовь и ненависть, клокочущую в груди пролетариата, будут учиться у мастеров слова, как служить пером пролетариату, которому они служили до этого времени как агитаторы и солдаты.

Пролетарские писатели совместно с теми революционными писателями, которые пойдут на органическое слияние с нами, смогут создать и создадут ту литературу, которая нужна пролетариату в приближающемся периоде нового тура революций и войн.

ДЖЕМС ДЖОЙС, ИЛИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ?

Писатели очень часто приходят к нам с вопросами о форме. Мы и здесь слышали выступления иностранных наших друзей, которые говорили не только о том, что им дала эпоха революций и современная действительность, но которые давали нам советы с точки зрения своего мастерства. Они выражали опасения, чтобы Шекспир у нас случайно не умер, задавленный нашими заботами о литературе.

Я думаю, что опасения нашего друга Мальро, как бы здесь у нас в яслях не задушили рождающегося Шекспира, свидетельствует о том, что у него нет достаточного доверия к тем, кто в яслях ухаживает за ребенком. Пусть только родится этот Шекспир — я убежден в том, что он родится, — а уж мы выведем его в люди. Мы даже тех, кто рождается не Шекспиром, стараемся вывести в люди и помогаем им.

Мы идем **очень широким фронтом.** Когда рождались Шекспиры, в круг культуры входила маленькая часть общества. Если даже в этой части общества процент одаренных людей был больше, чем у нас, то, штурмуя культуру десятками миллионов, **мы имеем в сто раз больше шансов, что у нас найдется больше Шекспиров, больше гениев. (Аплодисменты).**

Где видно, чтобы во время с'езда писателей толпы народа ежедневно стояли на улице в ожидании получения билета? Что это значит? Это значит, что **наши народные массы хотят иметь великую литературу. И они ее и создадут, эту великую литературу, так, как создали все то, что мы сейчас видим.**

Было бы смешно, если бы наши художники отказывались учиться у иностранных художников.

Средний французский писатель в смысле формы пишет, по меньшей мере, не хуже нашего очень хорошего писателя. Здесь ничего удивительного нет. Французский или английский рабочий тоже владеет лучше инструментом, чем наш новый рабочий, который только 3—4 года работает за станком. Поэтому в отношении формы нам нужно очень многому учиться не только у классиков старой литературы, но и у литературы умирающего капитализма.

Нужно ли учиться у крупных художников, как у Пруста, уменью очертить, обрисовать каждое малейшее движение в человеке? Не об этом идет спор. Спор идет о том, **имеем ли мы собственную столбовую дорогу, или эту столбовую дорогу указывают зарубежные искания.**

Я читал Джемса Джойса с большим трудом. Признаюсь, я не кончил бы это чтение, если бы не чувство, что надо все-таки прочесть, понюхать такую книгу, которая волнует многих писателей.

Поэтому я позволю себе сказать, что тем, которые считают, что у Джойса можно учиться, надо посоветовать не учиться у Джойса.

Он ставит, как задачу художника, фотографирование кучи навоза при помощи киноаппарата через микроскоп.

Джойс считает, что можно показать действительность, снимая ее при помощи киноаппарата, движение за движением, движение мыслей, движение человека, и что это даст в итоге большую картину.

Но присмотримся к этой картине. Джойс показывает мелкую буржуазию Ирландии. Он ее дает в 1904 г. Он идет за своими героями в бюро, в редакцию, в школу, в кабак, в публичный дом, и он подсматривает движения, мысли, ощущения — от движения желудка до движения мозга и похоти, и снимает их по очереди.

Казалось бы, чего больше? Ведь это—новая форма реализма.

Но посмотрим, что он снимает и как он снимает.

Та же самая ирландская буржуазия организовала в 1916 г. восстание против английского владычества, которое Джойс ненавидит. Те же самые Блюмы и Дедалюсы боролись на баррикадах, их расстреливали. Разве Джойс дает подлинный киноснимок жизни? Нет. **У Джойса выбор об'екта его киносъемки определяется его точкой зрения. Джойс не давал совокупности жизни, он выбирал моменты, характеризующие ничтожность мелкой буржуазии, но не сумел увидеть ее такою, какою она была в бою.** Таким образом вы имеете не какой-то новый обективный метод показа жизни, а просто **отбор явлений жизни с точки зрения мелкого буржуа, не видящего выхода из кризиса культуры.**

Но пойдем дальше. Само собой понятно, что нам этот микроскопический метод в нашей литературе не нужен. Если мы хотим отобразить, что двигает рабочего, который вчера жил в деревне, а теперь на заводе борется изо всех сил за победу своего завода, за победу социализма, то для понимания этого вам не нужны микроскопические снимки. Для понимания этого надо вдуматься в самые основные моменты жизни народных масс, надо вдуматься в то, как жили эти народные массы, подумать, что завод дает этому колхознику нового по сравнению с тем, что было раньше, что он в нем вызвал, а для этого микроскоп вам не нужен.

Наша литература нашла свой великий творческий путь. Этот великий творческий путь опирается на лучшие исторические традиции. То, что есть лучшего в мировой литературе, что отражало правдиво жизнь, дал нам реализм.

Советская литература стоит обеими ногами на **почве мировой действительности** во всей ее совокупности: и на почве действительности погибающего капитализма, и на почве действительности рождающегося социализма, и метод нашего творчества должен состоять в том, чтобы мы не выбирали приятных нам кусков — показ героического рабочего, показ плохого капиталиста, а чтобы мы сумели отобразить **борьбу капитализма, гибель капитализма и рождение социализма во всех основных противоречиях.** И этот реализм мы называем социалистическим, потому что он—не просто фотография жизни. Он основан на понимании, **куда идет мир. Мир идет к победе социализма, и только художник, который поймет, куда идет мир, сумеет отобразить в великих образах основные линии этого развития.**

Создавая советскую литературу, мы, понятно, много блуждали, много бились. Наши писатели не родились готовыми, и наша партия не имела в кармане готовую теорию искусства. Только внимательнейшее отношение к наследству Маркса, Энгельса и Ленина в области литературы, внимательнейшее продумывание развития нашего искусства позволили нашей партии, руководству нашей литературы нащупать великую дорогу. И когда мы выдвинули лозунг социалистического реализма, он был принят советской литературой сразу именно потому, что он нащупал дорогу правильно.

Наша литература — уже первая литература мира, если даже наше мастерство отстает еще от западной литературы. Но мы являемся единственной литературой, которая дает правильный ответ народным массам всего мира на важнейшие для них вопросы, дает им правильный образ гибнущего капитализма и рождающегося социализма.

Когда я прочел в «Нейе дейтше блеттер» ответ рабочих, бежавших из германского концентрационного лагеря, на вопрос о том, что они читали в лагере; когда я узнал, что они в концлагере, где их избивали фашистские дружинники, находили силы, читая **«Бруски» Панферова**, я чувствовал гордость за нашу литературу.

Но мы не зазнайки, и **Ленин** и лучший ученик Ленина товарищ **Сталин** всегда учили нас: не хвалитесь, не зазнавайтесь.

Если мы хвалим нашу литературу, как первую, то мы в то же время сознаем, что наши литературные успехи — не только заслуга самой литературы, а в первую очередь результат того, что мы построили фундамент социализма. И мы хотим, чтобы наши зарубежные товарищи подражали нам. Мы будем счастливы, когда мы сможем сказать, что германские, японские, польские, французские народные массы создали литературу лучшую, чем наша, ибо такая литература может возникнуть только тогда, когда они победят, когда они будут строить социализм.

Мы должны говорить нашим писателям: учитесь у лучших мастеров пролетарской революционной литературы за границей, помогайте им создать картину нашей страны, убедительную для иностранных рабочих, а нашим иностранным товарищам мы говорим: **под знаменем борющегося пролетариата, в борьбе за то, за что боролись советские рабочие, в борьбе за то, за что погибали лучшие люди рабочего класса во всем мире, вы создадите великую литературу.**

Мы будем учиться у мировой революционной литературы, мы будем учиться у нее мастерству и пониманию всех интимнейших процессов, происходящих среди пролетариата и крестьянства других стран. Наши рабочие жаждут видеть не только образы колхозников и ударников, но и образ того рабочего, который **в германском подполье**, несмотря на зверства фашистского палача, кует будущее германского пролетариата; видеть образ того китайского кули, который вчера был скотом в глазах белых, а сегодня идет босой через весь Китай с оружием, захваченным у врага, и об'единяет народ для того, чтобы повести его к социализму.

От вас, зарубежные товарищи, мы ждем, что вы поможете нам показать, чем живет, чем дышит французский, английский рабочий, которого мы считаем своим братом, но которого видим словно сквозь туман.

И перед нашей советской литературой и перед литературой революционных художников Запада — величайшее поле деятельности. Надо только иметь смелость, надо только верить. Нет, **мы Шекспиров не удушим, мы их вырастим. Мы создадим литературу выше Ренессанса, ибо она черпала свои образы в рабовладельческой Греции и рабовладельческом Риме и выражала интересы рождающегося капитализма, а наша является отражением идей нового, социалистического общества.**

Эта литература, которую мы с вами создаем, будет великой литературой любви ко всем угнетенным, ненависти к эксплуататорскому классу, решительной борьбы с ним на жизнь и смерть, любви к женщине, которую сделаем товарищем, любви к тем цветным расам, которые были изгоями человечества.

В эту литературу мы вложим душу пролетариата, его страсть и его любовь, **и это будет литература великих партий, великих утешений, это будет литература борьбы за социализм, литература победы международного социализма. (Аплодисменты).**

ПЕРВЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ С'ЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ О МЕЖДУНАРОДНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

ДЕЛО НАСТОЯЩЕГО, ПРОШЛОГО И БУДУЩЕГО.

РЕЧЬ немецкого писателя тов. БЕХЕРА.

— Говоря о нашей пролетарской революционной литературе, обращаю пламенный привет и выражение теснейшей братской солидарности к нашим друзьям и товарищам в Германии, к тем, кто в условиях тягчайших преследований и ежедневной угрозы со стороны фашистских палачей умеют нелегально работать плечо к плечу с героическими революционными рабочими, сотрудничают в нелегальных газетах и листовках подпольной Германии, той Германии, которой принадлежит наше безраздельная любовь и преданность.

Со времени окончания мировой войны появился целый ряд рабочих писателей. Лучшие из них, независимо от того, начали ли они свою сознательную жизнь в качестве рабочих или деревенских пастухов, уже способны создавать вещи, которые по форме и содержанию стоят значительно выше среднего уровня всей буржуазной литературы нашей современности.

Но не одни только пролетарские писатели понимают подлинное положение вещей.

Генрих Манн в своей книге «Ненависть» заявляет: «Война, которая, может быть, будет последним актом отчаяния обреченного на смерть, разбитого капитализма, последовательным образом обратится против Советского Союза, и вооруженная Германия будет послана в качестве авангарда против Советской России».

Эти слова говорят о глубоком понимании основных сил нашей эпохи, хотя во многом Манн еще ошибается.

Энгельс сказал, что одни только германские рабочие являются наследниками тех глубоко научных и философских явлений, которые в век классики составляли славу Германии. Капиталистические интересы наживы сейчас привели к тому, что официальные властители и насильники германской нации позорят все, что некогда, столетие назад, составляло славу германской буржуазии. И сейчас фашистские идеологи, борцы против интернационалистской мысли космополита **Гете** осмеливаются считать своим, об'являть доктора Фауста предшественником доктора Геббельса.

Так, разрушая и загрязняя все, куда бы он ни ступил, фашизм завершает путь буржуазного класса,—он закрывает дверь за германским прошлым. Отныне дело классической германской культуры, дело классической мысли и классического творчества, наследие прошлого, окончательно перешло к тем, кто держит будущее в своих руках,—к германским рабочим, в чьих рядах сражается **Эрнст Тельман**.

Никогда не существовало подлинно великого искусства, которое не было бы тесно связано и которое не срослось бы корнями с решающими общественными силами и движениями, стоящими под знаком будущего. Боги, созданные буржуазией, отпали от нее.

Под знаком настойчивой необходимости сегодняшнего дня, под знаком прошлого и под знаком будущего мы призываем к единению всех тех, кто готов бороться против новой смертоносной угрозы войны.

Дело настоящего, прошлого и будущего властно требует от нас создания широкого боевого союза, совместного фронта против фашизма и империалистической войны.

Великий французский писатель **Стендаль** в своей книге «Красное и черное» вложил в уста своего героя ясные, смелые, прекрасные революционные слова: «Вперед! У меня больше ума, чем у этих ландскнехтов, я знаю, что нужно моему веку!» **(Аплодисменты).**

НАШИ КНИГИ БЬЮТ ПО ФАШИЗМУ.

РЕЧЬ немецкого писателя тов. ПЛИВЬЕ.

В мои намерения не входит обсуждение многообразных проблем, поставленных на этом с'езде, но я хочу сделать несколько замечаний по поводу доклада тов. **Радека**, который особенно близко касается нас — западных писателей.

Возьмем одно из основных положений доклада—об антивоенной литературе. Тов. Радек сказал: «Только после окончания войны началось антивоенное движение в буржуазной литературе, в которой, как эхо, повторялись вильсоновские лозунги».

Это положение можно принять только с *оговоркой. Я не думаю, чтобы* антивоенная литература Германии и других стран нуждалась в инициативе американского президента. В этой литературе были свои корни, а именно растущее со всех сторон недовольство войной.

Я помню, что мы, матросы военного флота, среди других книг читали «В огне» **Барбюса**. Это было в 1917 году. В Германии во время войны появилась антивоенная литература. Например, в 1916 году впервые вышел журнал «Нейе юнг» («Новая молодежь»).

Первый номер журнала открылся стихотворением **Бехера**, которое не было плачевной жалобой. Оно было наполнено ненавистью против империалистической войны и ее виновников. Следующий номер этого журнала появился на французском языке. Такое явление в обстановке военной Германии нельзя определять как пацифистское. Это есть проявление твердой решимости бороться против войны.

Я хочу напомнить о журнале «Вайс блаттер» («Белый листок»). Этот журнал выходил в течение всей войны. В начале войны он был чисто литературным журналом. Но потом он пытался даже представить на своих страницах высказывания спартаковцев.

Тов. Радек подробно останавливался на книге **Ремарка** «На Западе без перемен». Но почему он не упомянул некоторые другие книги, как, например, роман **Арнольда Цвейга** «Сержант Гриша», который имел мировой успех, романы **Ласко**, «Бравый солдат Швейк»—**Гашека**.

На Западе существует и существовала не только буржуазная пацифистская литература—существовала и существует антивоенная литература. Сегодня мы имеем пролетарских революционных писателей, которые умеют соединить художественные достоинства с политической ясностью, и если в целом на сегодняшний день к этой цели литература еще только стремится, то есть уже отдельные писатели, которые являются авангардом литературы, которой принадлежит завтрашний день. Буржуазно-пацифистские писатели тоже многому научились за последние 15 лет.

Эмиграция и пролетарские писатели, бегущие из Германии, — это тоже критика, а костры, на которых национал-социалисты сжигают их книги, — это тоже оценка. Это сигнал тревоги для культурного мира. Он показывает, что фашизм ведет к варварству, к культурному упадку человеческого общества, как предсказал еще много лет тому назад великий вождь пролетариата тов. Ленин.

Совершенно правильно подчеркнул тов. Радек, что буржуазные и полубуржуазные писатели должны выбрать путь: либо вместе с фашизмом, — этот путь ведет к самоубийству, к самоуничтожению, — либо вместе с пролетариатом, носителем мировой революции, к завоеванию будущего. Целому ряду писателей отчасти уже пришлось сделать выбор. Им пришлось либо подчиниться фашизму, либо жить в эмиграции или уйти в подпольную работу. Это разделение разряжает атмосферу. С костров «Третьей империи» пролетарская литература восстанет чище, яснее, целеустремленнее, мощнее.

Я далек от того, чтобы утверждать, что левая литература полностью выполнила свою задачу, но многое ею было сделано в этом направлении. В связи с этим, я думаю, мне будет позволено упомянуть и о моем романе «Кули кайзера». Там речь идет о восстании матросов в германском флоте в 1918 году. Сверх того эта книга, для которой я претендую на эпитет «революционная», является памятником *для всех кочегаров и всех матросов*, павших в мировую войну.

В большей или меньшей степени это можно сказать о других книгах, которые я здесь назвал. Все они — памятники павшим, все они разоблачают истинное лицо империалистической войны и отвечают более или менее отчетливо требованию тов. Радека, призывая на борьбу против империализма, за социалистическую революцию. Эти книги—удары, о которых мы не хотим забывать.

Чтобы нанести решительный удар и оставить великий памятник восставшим рабочим и крестьянам, который в то же время был бы призывом к трудящимся массам мира против войны и за революцию,—для этого нужен коллективный труд, и я первый выражаю желание принять участие в таком труде.

Нельзя забывать, товарищи, о трудностях, при которых на Западе создаются книги левого направления, и о том, какие препятствия отделяют их от типографских станков и читателей. Но можно ли сомневаться в том, что на Западе работали, работают и будут продолжать работать?

Этим я заканчиваю свои соображения по докладу тов. Радека.

Я обращаюсь за пределы этого зала—к писателям всего мира, и прежде всего к немецким писателям, находящимся в эмиграции. Никто, и прежде всего никто из писателей, не может уклоняться от политики. Нет больше места увиливаниям, сторонним наблюдениям, двусмысленным ответам.

А проблема, которая требует разрешения, состоит в следующем: должно ли человеческое общество погибнуть от фашизма среди кризисов и войн—или оно должно перестроиться на социалистических принципах и организоваться заново?

Вопрос стоит не о партийной принадлежности,—вопрос стоит о принадлежности к общему фронту. Таких фронтов два—фронт фашистов и фронт антифашистов. Ответ должен быть отчетливый—или там, или здесь, или гибель в качестве лакея фашизма, или возрождение в стане борющегося пролетариата. **(Аплодисменты).**

ДВА КОНГРЕССА — ДВЕ ЛИТЕРАТУРЫ.

РЕЧЬ тов. ДЖЕРМАНЕТТО

Товарищи, исполком МОПР и ЦК МОПР Советского Союза поручили мне передать вам горячий привет. **(Аплодисменты).**

Хочу добавить, дорогие товарищи, что мопровская работа — это наша работа, в которой советские писатели должны принять участие. Наряду с товарищами Тельманом, Ракоши, Грамши и сотней тысяч других революционеров сидит в тюрьмах очень много революционных писателей.

Мы имеем международную организацию помощи борцам революции, мы имеем таких людей, как Ромэн Роллан, и других товарищей, которые вместе с нами борются против фашизма и реакции.

11 лет назад я сидел в тюрьме в Италии и подал заявление, чтобы получить итало-русский словарь. Как известно, нужно подать заявлению директору. Я знал правила тюрьмы и подал это заявление. Через день получаю свое заявление обратно, на нем написано красным карандашем: «Отказано». Я знал, что нужно еще раз написать, и написал королевскому прокурору, что хочу получить словарь. Через 3 дня надзиратель приглашает меня к прокурору. Прокурор имел на столе много книг прозы, поэзии и т. д. Как будто он между процессами и другими аферами занимался литературой! Прокурор сделал мне длинный доклад и отказал в русско-итальянском словаре. Он сказал: «Зачем изучать русский язык, когда через несколько месяцев уже ничего не будет от русской революции!» Прокурор, как видите, ошибся.

Раньше в Италии издавалось в год 10.000 книг, а теперь 6.000. А каково качество книг? Возьмем, например, книгу для молодежи, автор — Паоло. Герой этой книги кончает самоубийством. Известный юморист Кампанелли пишет 250 страниц для того, чтобы показать, как футболист потерял мяч. И еще одна книга, которая очень много занимала итальянскую критику, это книга Бернардо «Трое рабочих». Книга показывает безработицу, но не указывает никакого выхода из положения. Имеется еще очень много полицейских романов и мемуаров об империалистической войне.

Несколько месяцев назад фашистские писатели пытались выяснить, почему их литература находится в таком положении. Они созвали конгресс в Болонье, на родине Кардуччи, где есть хорошее вино и прекрасные макароны. И на конгрессе они пришли к выводу, что виноваты критика и иностранная литература. В принятой резолюции они написали, чтобы итальянское государство закрыло от конкурирующей литературы границы Италии. Как будто иностранная литература — это голландский сыр, швейцарский шоколад или игрушка из Нюренберга!

Я говорю все это для того, чтобы показать, как верно сказал тов. Радек, что фашизм не сумел создать свою литературу. Большой тираж и успех в фашистской Италии имеют только произведения порнографа Гви-де-Верона.

Я хочу обратить ваше внимание на то, что ежедневная итальянская пресса интенсивно печатает рассказы. Рассказы эти пропагандируют фашизм. Во Франции также печатают рассказы: они имеют целью отвлечь рабочих от политических проблем, стоящих перед ними каждый день.

Сравнивая с'езд с фашистским конгрессом, который происходил в Болонье, я должен повторить слова тов. Чуковского о клоаке и стратосфере. Я отношу это к фашистскому и вашему конгрессу. **(Аплодисменты).**

Нет больше нейтральных писателей...

РЕЧЬ тов. ЗАБЕЛЛЫ ЕСАЯН.

В прошлом году я приехала из Франции, чтобы жить и работать в советской Армении.

Вся мировая интеллигенция — в том числе и писательская — отныне не может остаться нейтральной. Писатели ныне являются или фашистами, или антифашистами.

Если существуют еще писатели, которые мыслят оставаться вне классовой борьбы, — они по существу дела не нейтральны. Писатели этой категории, хотят ли они этого или нет, приспосабливают свои произведения к требованиям и интересам фашизма.

То, что происходит за рубежом среди больших национальностей, — происходит и среди малых народов.

Я работала за границей среди армянского пролетариата Франции. На этом с'езде перед делегатами многих народов с волнением и гордостью передаю чувство сотен тысяч трудящихся армян, рассеянных в Америке, Франции, Сирии и Египте. Эти трудящиеся — жертвы империалистической войны. Они об'ект самой лютой эксплуатации. Но они не молчат. В хоре общего протеста раздаются голоса и трудящихся армян.

Борясь против своей буржуазии, в первую голову против фашистов-дашнаков, рабочие армяне участвуют в борьбе пролетариата этих стран.

С первых дней Октябрьской революции зарубежная армянская рабочая пресса откликнулась. Молодые литераторы, описывая свое разочарование так называемым демократическим режимом, выражали свою радость по случаю победы русских рабочих.

Неизмерима любовь армянской зарубежной революционной интеллигенции к нашему великому пролетарскому писателю —к **Максиму Горькому**.

Громадное революционизирующее влияние имеет на зарубежные массы литература советской Армении, переводы русских современных писателей. Их читают там с таким же захватывающим интересом, как и здесь, в Советском Союзе.

Армянский пролетариат за рубежом с большой радостью следит за под'емом советской родины. Это—романтика и осуществленная мечта этих обездоленных масс. Трудящиеся за рубежом ведут мужественную борьбу, в частности против дашнаков, защищая свою советскую родину. Борьба эта часто принимает форму кровавой борьбы. Было много случаев убийства армянских рабочих, кричавших: «Да здравствует Советский Союз!»

Армяне-рабочие за рубежом воспевают свою преданность и любовь к советской родине и ни на одну минуту не забывают, что самый действенный путь помощи делу пролетариата Советского Союза есть непосредственное участие в борьбе международного пролетариата. Рабочими копейками там издаются газеты и журналы. Рабкоры из рабочих в своих стихах и рассказах описывают тяжелую долю угнетенных, безработицу, свою ненависть к угнетателям и свою боевую готовность сражаться за дело рабочих всего мира.

Конечно, эта литература очень молода, формально весьма примитивна. Но в ней заложена огромная сила, дающая ей возможность превратиться в большую литературу. **(Аплодисменты).**

ТОЛЬКО ВПЕРЕД, К ПРОЛЕТАРИАТУ!

РЕЧЬ тов. МИХАИЛА КОЛЬЦОВА.

Товарищи, я уже занимал эту трибуну, и сейчас скажу только несколько слов.

Я полагаю, что наш с'езд должен стать поворотным пунктом отношения советской критики, советских писателей, советского читателя и издателей к международной литературе. И понимаю это, во-первых, чисто *практически*.

Нельзя, товарищи, судить и рядить о западной литературе, не имея ее попросту на руках. У нас очень много на протяжении 15 лет говорят и спорят о **Чарли Чаплине**. Одни увлекаются им. Другие—против Чарли Чаплина. Есть такие, которые сначала им увлекались, а теперь против него. Есть такие, которые были против Чаплина, а сейчас увлекаются им. И ко всему этому одна маленькая деталь: за все 15 лет ни одной картины с участием Чарли Чаплина в СССР не демонстрировалось.

Для того, чтобы в дальнейшем мы могли лучше и ближе познакомиться с иностранной литературой, надо здесь, со с'езда, потребовать от наших издательств, чтобы они в корне пересмотрели пропорцию, которая ими уделяется иностранной литературе. У нас выход каждой новой переводной книги — это целое событие. Нужно, чтобы книги иностранных авторов, и старых и новых, вышли у нас в больших тиражах.

В прошлые времена была такая «Универсальная библиотека». Эта библиотека давала через каждые несколько дней новый томик, она беспрерывно давала новинки иностранной литературы, правда, в простом, дешевом издании. Я думаю, что надо эту библиотеку возобновить для того, чтобы каждый советский читатель мог о Джойсе и других писателях судить и рядить не по наслышке, а говорить о них как читатель, как человек, имевший эту книгу, читавший эту книгу, так сказать, собственноручно. **(Аплодисменты).**

Второе: я хотел бы, во-вторых, обратить слова особой симпатии и особого тепла к тем представителям пролетарской революционной германской литературы, которые как присутствуют здесь на с'езде, так и находятся в целом ряде столиц и городов Западной Европы. **(Аплодисменты).**

Германская революционная пролетарская литература не только существует после изгнания ее из Германии и фигурального сожжения на костре. Она растет. Такие пролетарские революционные поэты и писатели, как **Пливье**, как **Бредель**, как **Анна Зегерс**, **Адам Шарер**, **Оскар Мария Граф**, непрерывно пополняют германскую революционную литературу новыми вещами. Пролетарский писатель Вилли Бредель использует даже свободные часы этого с'езда, чтобы дописывать последние страницы своего нового романа.

Но упоминая ведущих, крупных и уже определившихся мастеров пролетарской германской литературы, вовсе нет необходимости превращать доклад тов. **Радека** и прения по нему в простой перечень имен, в каталог имен, как этого требовали выступавшие товарищи. Здесь, на с'езде, присутствует около тысячи писателей. Каждый из них является автором какой-нибудь книги. Много писателей есть у нас в стране и за стенами с'езда. Если всех писателей только перечислять, то из докладов и прений получилась бы только перекличка, а не действительный критический смотр движущих сил советской и зарубежной пролетарской литературы. Нам нужен не перечень. Нам нужно выявить самое крупное и важное, что есть в нашей братской пролетарской революционной литературе Запада, и этим показать путь не только крупным писателям, но и тем, которые идут за ними.

Я опасаюсь, товарищи, как бы в таком подходе *к развитию западной пролетарской* литературы не пришлось влезть в те споры, которые у нас давно окончены, те споры, которые у нас уже разрешены. Было бы печально, если бы наши друзья—западные пролетарские писатели и критики не использовали наш опыт и уподобились покойной РАПП, которая выставила ошибочный и вредный лозунг —союзник или враг.

Этот лозунг, который был достаточно *вреден в нашей обстановке*, прямо-таки опасен в международной революционной обстановке, которая требует мобилизации всех сил против фашизма. Надо учитывать и оценивать не только стопроцентно примкнувших к нам людей, но и людей, которые только идут к нам, людей, которых надо еще звать. Надо западной пролетарской литературе побольше привлекать попутчиков, стараясь в споре, в дружеской беседе показать тот правильный путь, по которому они должны пойти.

Я считаю, товарищи, — и это третье, что я хотел сказать, — что в нынешней обстановке мы должны сказать писателям Запада и Востока: всякий, кто против фашизма и войны, — всякий такой является нашим попутчиком, всякого такого мы считаем на нашей стороне, в нашем лагере. **(Аплодисменты).** Ибо мы знаем, товарищи, что важно только встать на путь — и уже есть большие шансы пройти до конца.

Пролетарскому писателю, как всякому пролетарию, нечего терять, кроме своих цепей. Буржуазному же писателю, мы знаем, есть что терять. Ему приходится очень задумываться перед тем, как идти в нашу сторону. Он теряет кое-что. И не только личное благополучие, не только успех, не только прелести литературной карьеры. Ча*сто западному писателю, идущему к нам*, надо расставаться с целым рядом сладких иллюзий, с иллюзиями о демократии, с иллюзиями пацифистскими, иллюзиями индивидуализма и многими другими. Когда человек идет и путь его есть путь тяжелого отказа от дорогих ему иллюзий, — этому путнику мы должны помочь.

С волнением и радостью мы следим, как приходят к нам шаг за шагом такие крупные писатели, как, например, **Андрэ Жид**. С волнением и радостью следим, как приходят к нам такие блестящие писатели, как, например, присутствующие здесь **Жан Ришар Блок** и **Андрэ Мальро**. Хочется только сказать им: идите, пусть осторожно, пусть тщательно выбирая путь, стараясь, чтобы нога ваша ступала твердо, стараясь не поскользнуться в своих сомнениях и на тех апельсинных корках, которые подкладывает вам буржуазия. Но вы, друзья, идущие к нам, идите, не возвращаясь. Что сделано, что пройдено вами, пусть остается сделанным и пройденным. Пусть ваш путь будет путем только вперед, но не назад! **(Аплодисменты).**

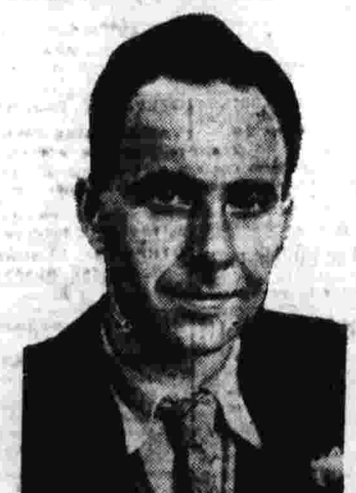
Дружеский шарж худ. Кукрыниксы.

Джавахишвили.

ЕДИНЫМ ФРОНТОМ ЗА КУЛЬТУРУ БУДУЩЕГО.

РЕЧЬ французского поэта тов. ЛУИ АРАГОНА.

Я говорю с этой трибуны не от своего имени, я передаю привет от ассоциации революционных писателей и художников Франции, французской секции международного об'единения революционных писателей. **(Аплодисменты).**

Наша организация приветствует с'езд, как неопровержимое яркое проявление успехов диктатуры пролетариата на одной шестой части земного шара. Она приветствует этот беспримерный в истории с'езд, утверждающий роль пролетариата, авангарда человечества, авангарда культуры, которая ускользает из недостойных рук буржуазии, — фашистской или псевдодемократической. Ее наследство переняв революционный пролетариат и вместе с ним его союзники — крестьянство, мелкая буржуазия и трудящаяся интеллигенция. **(Аплодисменты).**

Наша ассоциация приветствует с'езд, имеющий значение не только для огромного дела советского пролетариата, строящего наряду с социализмом культуру будущего, но и глубокое международное значение.

Этот с'езд окажет помощь и покажет пример в области литературного творчества революционным писателям всего мира. Эта помощь, этот пример лишний раз подтвердят истину, которую безуспешно пытаются отрицать наемные подстрекатели, ту истину, что уже 17 лет СССР является стимулом мировой революции, ее главным защитником во всех областях, как в области культуры, так и в борьбе с империалистической войной.

Советские писатели заложили фундамент настоящей материалистической литературы, единственной, которая может служить делу пролетариата и тем самым всего человечества.

Они заложили этот фундамент не только на теоретических положениях, которые для нас чрезвычайно ценны, — сами их произведения, отличающиеся уже теперь от всей литературы капиталистического мира, являются этим фундаментом. Произведения эти связаны с массами не только по содержанию, но и по языку и по тому отклику, который они встречают среди рабочих и крестьян, среди всех строителей социализма.

Приветствуя с'езд советских писателей, наша ассоциация с радостью доводит до его сведения, что во Франции после февральских событий, во время которых коммунисты и социалисты заключили акт единства действия, тысячи работников искусства и науки,—весь цвет французской культуры, до Колледж де-Франс включительно,—об'единились и создали движение, в которое входит наша организация. **(Аплодисменты).**

Единый фронт писателей и художников против войны и фашизма сейчас осуществлен. **(Аплодисменты).** Он подготовляет во Франции благоприятную почву для использования опыта наших советских товарищей. На этой почве когда-нибудь взойдет французская революционная литература и заслужит название советской литературы. **(Аплодисменты).**

Товарищи, наша организация считает, что ее роль заключается, главным образом, в том, чтобы увлечь за собой всех тех писателей и художников, которые верят в историческую роль пролетариата, которые среди смятения капиталистического мира и экономического кризиса обращают свои взоры к Советскому Союзу и к французскому пролетариату.

Через 20 лет после 1914 года, — в час, когда сильнее чем когда бы то ни было может вспыхнуть империалистическая война, в час, когда фашизм во Франции только отступил перед об'единившимися рабочими, — мы считаем своей основной задачей включить этих писателей и художников в движение, об'единяющее трудящиеся массы, в движение борьбы с войной и фашизмом.

Наша организация считает, что для того, чтобы действительно увлечь писателей и художников в этом направлении, ей надо разрешить два вопроса: о материальных условиях существования, в которые работники искусства поставлены современным строем Франции, и о качестве произведений, рождающихся в этих условиях.

Наша ассоциация считает своей обязанностью быть выразительницей материальных требований, пред'являемых работниками искусств. Во Франции Думерга и полковника Деларока она должна защищать их справедливые требования. Условиям, в которых находятся писатели и художники капиталистической Франции, мы противопоставим условия работы советских писателей и художников, изумительным воплощением и материализацией которых является ваш с'езд.

Чтобы оказаться на высоте своих исторических задач, наша ассоциация не должна ограничиваться выявлением упадочных произведений, которые зарождаются в загнивающей капиталистической Франции. Она обязана помочь писателям и художникам Франции приобрести необходимые качества, присущие советским произведениям, помочь им выразить то, что специфично для нашей страны и единственным законным наследником чего являются не уродливые эксплуататоры, задрапированные в трехцветное знамя банка, торговли и промышленности, а рабочие и крестьяне Франции.

Наша организация должна показать писателям и художникам ту дорогу, следуя которой мы будем способствовать созданию культуры будущей, культуры социалистической, культуры советов Франции и всего мира. Наша ассоциация принимает наследство французской литературы, но затем, чтобы оно служило для общих целей трудящихся всех национальностей. Она перенимает доставшиеся нам в наследство народные сокровища — песни и живопись, наследство французского фольклора, а также наследство французской литературы и искусства, угасающие в музеях буржуазии и которым революционное пламя вернет смысл и жизнь, хотя бы наследство Рембо и Золя, Сезанна и Корде.

Наша ассоциация, следуя примеру советских писателей, сумеет глубоко связаться с массами не только характером своих произведений, но также тем, что она может дать писателям и художникам из пролетарской среды возможность культурного развития, в которой им отказывает власть буржуазии.

Мы записываем в первую очередь наших требований право жительства в литературе и искусстве писателей и художников, *вышедших из пролетариата*, и право пролетариата на литературу и культуру,—требование, которое буржуазия претендует свести сегодня, как в 1848 году, исключительно к знанию машины.

Наша ассоциация сумеет выразить в национальных условиях французской культуры лозунг социалистического реализма, брошенный советскими писателями не только в масштабе СССР, но в масштабе национальностей всего земного шара. **(Аплодисменты).**

Против империалистической войны, угрожающей всей культуре, против антисоветской войны, угрожающей авангарду культуры всего человечества! Мы — за *широкий единый фронт борьбы работников* искусства Франции рука об руку с революционным пролетариатом; за создание советской культуры во Франции **(аплодисменты)**, за создание международной социалистической культуры под знаменем диалектического материализма, под знаменем **Маркса, Ленина, Сталина**.

Товарищи, в обращении к вам нашей организацией уже упомянуто о существовании пятитысячной группы работников искусства и науки в так называемом комитете бдительности и антифашистского действия, который по инициативе профессоров **Ланжевена** и **Риве** и философа **Алена** образовался после фашистского путча 6-го января.

От имени комитета бдительности и антифашистского действия я приветствую здесь не только присутствующих советских писателей, но и отсутствующих, находящихся в заключении антифашистских писателей и, в первую очередь, крупнейших из них, **Людвига Ренна** и **Осецкого**. **(Аплодисменты).**

Перед тем, как покинуть эту трибуну, мне остается передать вам приветствие от нашего большого друга **Андрэ Жида**. Он просит передать вам о том, как он жалеет, что не присутствует на с'езде. Но он думает, что принесет больше пользы, если не будет отрываться от работы даже во имя самой восторженной симпатии к вам. — Но передайте и повторите им, — добавляет он, — что сердцем я всецело с ними. **(Аплодисменты).**

Необычайное происшествие.

(От специального корреспондента «Правды»).

Это необычайное происшествие произошло на-днях в крупном зерносовхозе Сталинградского края «Красный Октябрь».

Начальник политотдела тов. Воронцов захватил власть в свои руки. Директор совхоза числился уже директором на бумаге.

— Я опираюсь на своих коммунистов, — пояснил начальник политотдела, — а директор—на своих...

Два лагеря. Выиграет тот, кто сильнее. Смелей, друзья!

На столе перед начальником политотдела—только-что вышедший из-под машины номер совхозной газеты. Листовка. От листовки пахнет свежей краской, ее никто еще не читал. Но через час воззвание начальника политотдела прочтут все рабочие совхоза, все служащие, все население прочтет. Вот когда начнется настоящий бой!

Озаглавлена статья начальника политотдела: «Оппортунистический план надо отменить». Направлена статья против директора Климова. Он—«оппортунист», его план уборки и сдачи хлеба государству—«головотяпский», «вредный», «преступный», «не наш». План «дезорганизует рабочих совхоза».

«Мы будем,—пишет Воронцов, обращаясь к Климову,—бороться против плана, будем бороться против тебя».

Конкретно статья начальника политотдела возводит такие обвинения. «Директорский» план предусматривает возможность сдачи в пятидневку 6.115 центнеров хлеба, а по расчетам начальника политотдела можно сдавать 9.003 центнера. Директор забыл, что фактическая урожайность выше урожайности, утвержденной краем. Он забыл, что комбайны могут работать лучше. Директор довольствуется тем, что и при сдаче 6.115 центнеров в пятидневку можно уложиться в государственные сроки хлебосдачи, а о сокращении сроков он не хочет заботиться.

«Вы, тов. Климов, дайте реальный план, уплотненный план, и вас будет поддерживать политотдел, защищать». А не сделает этого Климов,—пусть на себя пеняет. Политотдел предупреждал его и «лично», и «на совещании», и даже «после совещания».

— Жаркое дело, не правда ли?—спрашивает начальник политотдела.

— Да, жаркое, очень жаркое. Особенно, если учесть, что совхоз «Красный Октябрь» не выполнил ни в июле, ни в августе и пятой части даже «оппортунистического», «вредительского», «директорского» плана. В пылу полемики начальник политотдела «забыл», что он сам исключительно скверно работает и что он сам (вместе с директором) оказался неспособным обеспечить даже «преуменьшенный» план. Ратуя за 9.000 центнеров хлеба в пятидневку, вместо «директорских» 6.000 центнеров, он покамест не дает государству и 2 тыс. центнеров...

Но если отвлечься от конкретной обстановки в совхозе и допустить условно, что начальник политотдела, действительно, прав, обвиняя директора в оппортунизме,—что за метод борьбы выбрал он? Что за захват власти и что за разделение коммунистов совхоза на «своих» и «директорских» изобрел он? Почему начальник политотдела отказался от партийного разрешения вопроса в районном комитете партии, в краевом комитете, в политсекторе, в Москве, а предпочел выпуск листовки и партизанский наскок?

Получилась ведь беспринципная склока, товарищ начальник.

А. АГРАНОВСКИЙ.

БЕЗНАКАЗАННО РАСХИЩАЮТ ХЛЕБ.

(От специального корреспондента «Правды»).

Огромные партии хлеба грузятся в вагоны. Перевозка хлеба сейчас занимает одно из основных мест в работе транспорта. Борьба за сохранность хлеба, борьба с потерями и тут составляет существенную задачу. Однако приемка хлеба с элеваторов в вагоны на железной дороге поставлена из рук вон плохо. Приемка обезличена, нет ответственности за это дело.

Совет Труда и Обороны СССР давно дал специальное указание о сплошном взвешивании хлеба при погрузке и выгрузке. Эта директива на Казанской и Самаро-Златоустовской дорогах не выполняется. Отсюда—хищение хлеба.

4 августа работники политотдела Казанской дороги путем сплошного взвешивания выявили огромные недостачи груза. Из 71 взвешенного вагона в 35 вагонах оказалась недостача 21 тонны хлеба.

Со станции Канаевка (М.-К. ж. д.) 30 июня были отправлены 13 вагонов с зерном. Одиннадцать из них пришли с недостачей 9.545 килограммов. Недостача обнаружена и на станциях Кузоватово и Барыш.

Интересно то, что хлеб исчезает из крепких, запломбированных вагонов. Просто чудеса творятся на железной дороге. Но с этим на транспорте сжились, свыклись. Воровство здесь как бы узаконено. Вот коммерческий акт № 114, составленный товарной конторой станции Толкай:

«Вагон следует со станции Сумовская Южных железных дорог. Пломбы неясные. В техническом отношении вагон исправный. Груз—овес насыпной. Вес отправления 15.000 килограммов. Вес получения 10.762 килограмма. Недостача 4 тонны 238 килограммов».

Неизвестно, куда пропал хлеб, кто отвечает за пропажу, кого надо привлечь к ответственности. Составили акт, и с плеч долой. И залезает всякий, кому не лень, в государственный амбар.

Известно, что после погрузки вагон пломбируется. Пломба эта—подпись ответственного лица, это документ о приемке хлеба. Но с некоторых пор на транспорте стали «ляпать» пломбу так, что и через микроскоп не разберешь, кто ее ставил, на какой станции. На станции Мелекес, например, из 30 просмотренных пломб ни одну нельзя было прочитать. Теряется всякая ответственность при приемке и сдаче хлеба.

Недавно между станцией Обшаровка и Батраки на полотне железной дороги обнаружены вороха пшеницы в 5 центнеров, воры не успели убрать наворованное. Не пора ли положить конец безответственности и безнаказанности?

И. КИСЕЛЕВ.

Выплавка металла за 24 августа.

(в тоннах).

	Чугун.	Сталь.
План.	31.000	28.500
Выплавлено.	30.237	28.100
% выполнения.	97,5	98,6

Готовый прокат за 24 августа.

(в тоннах).

План.	Прокатано.	% плана.
20.000	16.797	84,0

Добыча угля по Союзу за 23 августа.

(в тоннах).

План.	Добыто.	% плана.
271.361	251.094	92,5

Добыча угля в Донбассе за 24 августа.

(в тоннах).

План *).	Добыто	% плана.
145.661	141.351	97,0

Добыча и сушка торфа за 23 августа.

(в тыс. тонн).

Добыто с начала сезона.	Высушено с начала сезона.	% от добытого торфа.
10.888,4	6.890,9	63,4

*) План на выходной день.

РАБОТА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ 24 АВГУСТА.

ДОРОГИ.	Погружено. Вагонов.	Погружено. % выполнения плана	Выполнение норм обмена вагон. в %. Принято с соседних дорог.	Выполнение норм обмена вагон. в %. Сдано соседним дорогам.	% обеспечения вагонами
Забайкальская (нач. т. Осипов)	1.001	181	88	70	122
Окружная (нач. т. Петриковский)	341	98	100	105	101
Оренбургская (нач. т. Подшивалин)	531	128	85	79	92
Екатерининская (нач. т. Билик)	6.864	96	92	110	102
Западная (нач. т. Жунов)	1.945	94	96	102	106
Южная (нач. т. Зорин)	1.415	103	83	92	93
Казанская (нач. т. Кучмин)	2.607	92	100	98	106
Северная (нач. т. Амосов)	2.928	99	94	94	104
Юго-Западная (нач. т. Друснис)	3.214	95	94	95	102
М.-Бел.-Балт. (нач. т. Русанов)	1.350	91	105	98	114
Омская (нач. т. Базулин)	650	90	95	94	101
Курская (нач. т. Карпенко)	2.432	89	100	96	110
Донецкая (нач. т. Левченко)	7.165	85	88	89	88
Южно-Уральская (нач. т. Князев)	1.449	81	96	105	113
Северокавказская (нач. т. Лившиц)	3.813	92	93	87	105
Юго-Восточная (нач. т. Житков)	2.524	77	88	92	91
Ряз.-Уральская (нач. т. Кавтарадзе)	1.461	97	91	78	101
Октябрьская (нач. т. Синев)	2.190	76	105	92	109
Закавказская (нач. т. Розенцвейг)	1.565	88	113	69	108
Мурманская (нач. т. Ледник)	1.415	94,5	86	75	96
Среднеазиатская (нач. т. Прокофьев)	1.102	106	77	91	124
Пермская (нач. т. Миронов)	2.304	85	89	70	102
Уссурийская (нач. т. Лемберг)	1.131	83	99	65	115
Сам.-Златоустовская (нач. т. Ковылкин)	980	73	81	79	102
Томская (нач. т. Дьяков)	2.260	70	65	75	92
Восточносибирская (нач. т. Голышев)	580	71	75	65	106
Турксиб (нач. т. Четвергов)	179	72	61	41	81
Погружено всего	**55.396**	**89**	—	—	**103**
Разгружено »	**57.656**				

ПОГРУЗКА ВАЖНЕЙШИХ ГРУЗОВ.

Уголь	200.820	тонн	87	проц. плана
Кокс	17.222	»	103	» »
Руда	61.105	»	95	» »
Флюсы	18.446	»	96	» »
Соль	14.817	»	103	» »
Металл	2.121	вагон	93	» »
Хлеб	6.574	»	92	» »
Лес	5.005	»	88	» »
Нефтепродукты	4.914	»	92	» »

В Комиссии Советского Контроля при СНК СССР.

О ярмарке в гор. Горьком.

На основании проверки, проведенной КСК (тт. Моргунов и Анцелович), установлено, что НКЛПром СССР (т. Фушман), НКСнаб РСФСР (т. Попов), Главная дирекция ГОРТ'а (т. Лови) и Горьковский крайисполком (т. Островский) без предварительной постановки в правительстве и его санкции приняли решение о проведении и организации в г. Горьком Поволжской госторговой ярмарки с завозом на эту ярмарку по линии только НКЛПрома товаров на 6 млн рублей.

Бюро Комиссии Советского Контроля постановляет:

1. Быв. заместителю НКЛП СССР тов. Фушману А. М. за самовольные действия, выразившиеся в предложении и участии (в свою бытность в Горьком) в организации в Горьком межкраевой ярмарки с завозом на нее товаров на 6 млн рублей и учитывая, что это не первый случай нарушения советской дисциплины тов. Фушманом (материалы, помещенные в «Правде» от 3 августа под заголовком «По стопам тов. Фушмана», проверкой КСК подтвердились),—об'явить строгий выговор, предупредив его, что за подобные действия в дальнейшем он будет привлечен к более строгой ответственности.

2. Зам. Наркомснаба РСФСР тов. Попову и главному директору ГОРТ'а т. Лови — об'явить выговор за организацию в Горьком Поволжской госторговой ярмарки без разрешения Комитета товарных фондов и регулирования торговли при СТО и вопреки указаниям Наркомснаба СССР т. Микояна.

3. Зам. пред. Горьковского крайисполкома тов. Островскому за принятие неправильного решения об организации Поволжской госторговой ярмарки и допущение по данному постановлению фактического завоза в Горький для ярмарки товаров без предварительного разрешения правительства—поставить на вид.

Зам. Председателя Комиссии Советского Контроля АНТИПОВ.

Секретарь Бюро Комиссии Советского Контроля МАНФРЕД.

ПЕРЕЕЗД АССОЦИАЦИЙ АКАДЕМИИ НАУК В МОСКВУ.

ЛЕНИНГРАД, 26 августа. (Корр. «Правды»). Отправка в Москву всех ассоциаций Академии наук за исключением биологической в основном закончена. В Москву отправлено 120 вагонов научного оборудования.

Получено сообщение о том, что в Москве готовы квартиры для академиков: А. П. Карпинского, Н. С. Курнакова, А. А. Борисяка, В. А. Кистяковского, А. Е. Ферсмана и других.

Группа московских институтов, переведенных в Ленинград, уже разместилась в освободившихся помещениях Академии наук.

ИСТОРИЯ СОВХОЗОВ И КОЛХОЗОВ.

Аграрный институт Комакадемии приступает к составлению истории колхозов и совхозов СССР. Работа эта закончится в течение полутора—двух лет и будет состоять из нескольких томов.

В программе издания: прошлое советской деревни, реконструктивный период, укрепление колхозного строя во второй пятилетке, колхозное движение в важнейших районах СССР и др.

Уже приступлено к составлению монографии Токаревской МТС, Феодосийского зерносовхоза и Черепановского маслосовхоза (Западная Сибирь). (ТАСС).

ПРИГОВОР ПО ДЕЛУ ЖУЛИКОВ ИЗ АСТРАХАНСКОГО ТОРГСИНА.

АСТРАХАНЬ, 26 августа. (Корр. «Правды»). Выездная сессия Сталинградского краевого суда вынесла приговор по делу жуликов из астраханского торгсина *).

Вдохновители хищений—бывший директор торгсина Фиш и заведующий межрайонной базой Асланов—по закону от 7 августа приговорены к высшей мере социальной защиты и конфискации всего имущества. Их ближайшие соучастники в преступлениях—бухгалтера Сунцов и Кондратьев и оценщик Беремнов — присуждены каждый к 10 годам лишения свободы с конфискацией имущества.

*) См. «Правду» от 4 и 10 июля и 22 августа.

Рабочий т. МЕДУНИЦКИЙ возле витрины, где выставлены его картины.

Рабочие-художники.

КИЕВ, 26 августа. (Корр. «Правды»). На киевском заводе им. Лепсе организована выставка художественного творчества рабочих-самоучек. Здесь собраны живопись, акварель, скульптура, рисунки карандашом. Все это—творчество рабочих завода Ткаченко, Медуницкого, Горника, Федосихина, Грицая, Кузнецова, Полевого и др., сумевших наряду с освоением производства (завод им. Лепсе изготовляет тракторные части для тракторов отечественных и иностранных марок) овладеть кистью, резцом, карандашом и красками.

В десятках экспонатов рабочие-самоучки отобразили самые разнообразные стороны советской жизни: «Колхозник на охране урожая», «Ударник завода Шиманский», «Комсомолец завода Грицай»,—это работы по дереву т. Ткаченко. «Футбол», «Подписка на заем»—картины токаря завода Гамалея. Токарь Горник показал на полотне «Военную игру» и «Волейбол».

Токарь Кузнецов представил работу масляными красками «Техучеба». Шлифовальщик Медуницкий выставил картины «За марксо-ленинской учебой», «За читкой газеты», «Мальчик с кроликом» и несколько акварельных работ. Тут же рядом молотобоец Федосихин выставил несколько рисунков: «В термическом цехе», композицию «Ленин и Сталин», портрет рабочего-«отличника».

Впервые в истории полярных плаваний.

ЛЕДОКОЛ «ЕРМАК», 26 августа. Коллектив «Ермака» и научной группы под руководством советского ученого-полярника Гакена добился новых побед в борьбе с суровой стихией далекой Арктики. Впервые в истории полярных плаваний «Ермак» открыл навигацию, соединив два полярных моря — Карское и море Лаптевых — через не вскрывшийся в этом году пролив Вилькицкого.

В течение 15 часов «Ермак» долбил лед, поминутно отступая и вновь с размаха налегая стальной грудью на льдины. Несмотря на трудность в этих условиях удержать пар, «Ермак» с гордостью рапортует: пар все время держался не ниже давления 12 атмосфер.

Начальник экспедиции ОРЛОВСКИЙ.
Капитан «Ермака» КОИКУНЕН.
Парторг СЕРДЮКОВ.
Предсудкома ОВЧИННИКОВ.

ТРИ СТАНЦИИ МЕТРО ВЧЕРНЕ ГОТОВЫ.

26 августа на строительстве станции метрополитена «Комсомольская площадь» уложен последний кубометр бетона. Закончено строительство внутренних сооружений станции: балконов, платформ и двух переходных мостов с лестницами для пассажиров.

27 августа начнется очистка станции и готовых туннелей, а в первых числах сентября—балластировка, укладка пути и окончательная отделка станции.

Таким образом на сокольническом радиусе метро вчерне готовы все три станции первой очереди: «Сокольники», «Гавриков переулок» и «Комсомольская площадь». (Роста).

ДЕЛЕГАТЫ С'ЕЗДА ПИСАТЕЛЕЙ—СТУДЕНЧЕСТВУ.

28 августа в Большом зале консерватории состоится вечер писателей—делегатов с'езда, организуемый исполбюро московского университета.

В вечере участвуют: А. Архангельский, А. Безыменский, А. Гидаш, В. Ермилов, В. Каменский, Б. Кирпотин, С. Кирсанов, М. Козаков, Б. Корнилов, Янко Купала, Б. Лавренев, Ю. Либединский, В. Луговской, П. Маркиш, Л. Никулин, Ю. Олеша, Л. Первомайский, М. Пришвин, А. Прокофьев, В. Саянов, Л. Соболев, Н. Тихонов, Ал. Толстой, К. Федин, Ольга Форш, В. Шишков, М. Шолохов, Е. Чаренц, Паоло Яшвили.

Совещание политотделов славгородской группы МТС.

Начальник Политуправления МТС т. Левин посетил ряд МТС и колхозов Западной Сибири. Он ознакомился с состоянием подготовки и началом уборки.

Выступая на совещании Славгородской группы МТС, т. Левин указал, что урожай во многих колхозах вдвое, втрое выше прошлогоднего, а подготовка к уборке стоит на уровне прошлого года. Неподготовленность сказывается, например, в том, что планы не рассчитаны на маневренность и составлены в расчете на «среднюю» погоду.

Выступление т. Левина заставило многих начальников политотделов еще раз проверить готовность колхозов и МТС к уборке.

Я. ЦЕЙТЛИН.

РЕКОРДНЫЙ ПОЛЕТ ГИДРОМОДЕЛИ тов. ЗЮРИНА.

25 августа авиомоделист тов. Зюрин испытывал сконструированную им фюзеляжную модель гидросамолета на пруду Краснопресненского парка культуры и отдыха. Отделившись от воды, модель пролетела 230 метров, продержавшись в воздухе 1 минуту 26 секунд; перед посадкой наткнулась на телеграфные провода и, потерпев аварию, села на воду.

Такой дальности полета моделей гидросамолета фюзеляжного типа еще нигде не зафиксировано.

Первый самолет в Верхней Сванетии.

НАЛЬЧИК, 26 августа. (Спец. корр. «Правды»). Летчик альпиниады РККА тов. Липкин перелетел 22 августа из Нальчика через главный хребет Кавказа над перевалом Бечо высотой в 3.375 метров и спустился на аэродроме в Местии. Это—первый самолет в замкнутой снежным кольцом гор Верхней Сванетии. Население восторженно приветствовало смельчака-летчика. Самолет в тот же день вылетел обратно.

З. РИХТЕР.

НОВЫЙ ОСТРОВОК В КАРСКОМ МОРЕ.

ЛЕДОРЕЗ «ЛИТКЕ», 26 августа. (Радио спец. корр. «Правды»). Сегодня ночью к северу от группы островов Фурнея обнаружили небольшую каменистую гряду, выходящую над поверхностью моря, отсутствующую на всех морских картах.

К. РАДВИЛЛОВИЧ.

СЛЕТ ВОЗДУШНЫХ ПОЕЗДОВ.

На десятый всесоюзный слет планеристов в Коктебель отправляются девять воздушных поездов. Первый из них—под командой начальника слета тов. Минова—в составе нового пятиместного планера «ГН-4» конструкции тов. Грошева и двух одноместных «Г-9» конструкции тов. Грибовского вылетает сегодня с Тушинского аэродрома. Воздушный поезд радиофицирован.

28 августа вылетает второй воздушный поезд под командой тов. Гавриша в составе планера «Рот фронт-5» и двух «Г-9». 29 августа из Ленинграда стартует третий воздушный поезд.

30 августа из Москвы вылетает воздушный поезд завода им. Осоавиахима: самолет «П-5» ведет на буксире двухместный планер «Г-14». В этот же день из Москвы отправляется эскадрилья в составе четырех воздушных поездов под командой тов. Кошица. Каждый из поездов, входящих в эскадрилью, состоит из самолета «У-2» с двухместным планером «Ш-7» на буксире.

800 ТЫС. УЧЕБНИКОВ НА ШЕСТИ ЯЗЫКАХ.

КИЕВ, 26 августа. (Корр. «Правды»). К началу нового учебного года Госнацменизлат выпускает 130 названий учебников на еврейском, немецком, польском, болгарском, чешском и греческом языках. Уже издано 800 тыс. экземпляров учебников, из которых 200 тыс. экземпляров выделяются для школ РСФСР, Белоруссии и немцев Поволжья.

ОТОВСЮДУ.

(От корреспондентов «Правды» и ТАСС).

Парусно-моторные яхты «Пионер» и «Ударник», совершающие поход вокруг Скандинавии, прибудут 27 августа в Мурманский порт.

Большая ярмарка открывается 15 сентября в Ташкенте. В ней примут участие 37 районов Узбекистана. Из колхозов на ярмарку прибудут яблоки, виноград, груши, винные ягоды. Потребительская кооперация выделяет товаров широкого потребления на 7 млн рублей.

Всеукраинская выставка работ студентов художественных техникумов открылась в Киеве. Выставлено несколько сот произведений живописи, архитектуры, графики и керамики.

Первый пилот-татарка Яруллина совершила самостоятельные полеты в Казани. Яруллина окончила планерную школу.

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО КАЧЕСТВУ БУМАГИ.

ОКУЛОВКА, 25 августа. (Спец. корр. «Правды»). На бумажном комбинате открылась конференция рабочих и технического персонала, с участием главнейших потребителей продукции комбината. В центре внимания—качество бумаги. Окуловка, идущая впереди большей части предприятий бумажной промышленности, должна еще выше поднять качество своей продукции.

На конференции выступили делегаты всесоюзного с'езда советских писателей тт. А. Зуев и Степан Зорин и представитель «Правды». Отсутствуют представители центральных органов бумажной промышленности и ЦК профсоюза бумажников.

ПОБЕДИЛИ КОЛХОЗНЫЕ ЛОШАДИ.

ГОРЬКИЙ, 25 августа. (Корр. «Правды»). На горьковском ипподроме при огромном стечении рабочих Канавинского района и колхозников всех колхозов, которые закончили уборку и хлебосдачу, состоялись краевые конские бега. Всего участвовало 85 лошадей: 35 лошадей государственных конных ферм и 50 лошадей колхозных конных ферм.

Лучшие призы взяли колхозные лошади. Приз им. крайисполкома взяла лошадь «Забава» коневодческой фермы колхоза «Красный партизан», Дальнеконстантиновского района. «Забава» прошла 1.600 метров в 2 мин. 30 сек. Приз крайЗУ выиграла лошадь «Идеал» колхоза «КИМ». 1.600 метров она пробежала в 2 мин. 30 сек.

Характерно, что наездниками были не профессионалы, а колхозные конюхи, впервые участвовавшие в конских состязаниях.

ЗАКОНЧЕН ПРИЕМ ВО ВТОРОЙ МЕДИЦИНСКИЙ ИНСТИТУТ.

Во Втором московском медицинском институте из 1.106 человек, допущенных к испытаниям, принято 481. По социальному составу около 55 процентов новых студентов—рабочие и дети рабочих, 62 студента—колхозники и единоличники. Принятые в институт имеют хорошую образовательную подготовку. Около 100 человек, выдержавших испытания, из-за недостатка мест не могут быть приняты. Они направляются для поступления в Ленинградский и Пермский медицинские институты.

В Первом медицинском институте заканчиваются испытания последней группы поступающих.

Камерный театр в новом сезоне.

Зимний сезон в Камерном театре открывается 31 августа. Для открытия идут «Вершины счастья»—Дос-Пассоса.

Ближайшая постановка театра—«Египетские ночи». Эта работа представляет собой композицию из трех произведений: «Антоний и Клеопатра»—Шекспира, в переводе поэта т. Луговского, «Цезарь и Клеопатра»—Шоу и «Египетские ночи»—Пушкина. Музыка написана С. Прокофьевым, оформление—художника В. Рындина, роль Клеопатры играет А. Коонен.

Кроме того, театр готовит музыкальный спектакль «Богатыри» (музыка Бородина). Ф. Панферов, по соглашению с театром, заканчивает для театра пьесу «Следы». Пишут пьесы также Сергей Семенов (на тему о челюскинской эпопее), Бор. Левин, впервые выступающий, как драматург, и Вс. Вишневский.

Театральный фестиваль «Интуриста».

С 1 по 10 сентября «Интурист» организует в Москве для иностранных туристов так называемый «театральный фестиваль» — показ достижений советского театра. Туристы познакомятся с 11 наиболее интересными оперными, драматическими и балетными постановками крупнейших московских театров.

На театральный фестиваль из'явили желание приехать многие деятели искусства и литературы из 16 стран. Международное театральное общество посылает из Парижа на фестиваль группу из 22 человек во главе с генеральными секретарями общества—Андре Могрэ и Поль Кэел.

Лондонское общество культурного сближения с СССР командирует делегацию в составе 10 артистов, режиссеров и критиков.

Чехо-словацкое министерство народного просвещения посылает на фестиваль группу режиссеров и директоров театра.

Американский профессор Гарри Дана приезжает с организованной им группой актрис и студентов театральных школ. Из Турции приедет главный режиссер и директор национального театра Мусин-бей.

Партия Эйве—Ботвинник закончилась вничью.

ЛЕНИНГРАД, 26 августа. (Корр. «Правды»). В результате седьмого тура шахматного турнира мастеров Алаторцев выиграл у Левенфиша. Партии Ботвинник—Эйве и Лисицын—Рабинович закончились вничью. Кмох выиграл у Юдовича. Романовский отложил партию с Каном, имея лишнюю пешку. Рюмин и Чеховер были свободны от игры.

После 7 тура впереди: Романовский (4 из 6), Кмох (5 из 7), Рюмин (3½ из 6) и Эйве (4 из 7).

ПОПРАВКА.

В речи тов. Ярославского («Правда», 26 августа) автором книги «Личное и общественное» ошибочно назван Панферов; следует—Парфенов.

Уполномоч. Главлита № В—96579. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Издат. № 751.